

A close-up, high-contrast photograph of a cat's face, focusing on its large, green, glowing eyes. The cat has orange-brown fur and white whiskers. The image is used as a background for the book cover.

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЗАМЕНА
ОБЪЕКТА

ИЗДАНИЕ

Участковый милиционер Дорошин

Александра Маринина

Замена объекта

«Автор»

2005

Маринина А.

Замена объекта / А. Маринина — «Автор», 2005 — (Участковый милиционер Дорошин)

Убиты двое – молодая жена успешного бизнесмена и ее охранник. Что это – предупреждение удачливому конкуренту, месть ветреной красавице, сведение старых счетов? Версий много, но все они не нравятся скромному участковому – капитану милиции Игорю Дорошину, у которого в расследовании преступления есть личный интерес. На свой страх и риск, а скорее повинувшись неясному зову интуиции, он отрабатывает собственную версию. Ведь когда речь идет о человеческих страстях, нельзя доверять даже самым безусловным фактам. Вроде известно, что путь пули лежит всегда между двумя – тем, кто стреляет, и тем, в кого стреляют. Но это только кажется, людей на ее пути гораздо больше...

© Маринина А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Игорь Дорошин	5
Виртуальная переписка	26
Хан	33
Игорь Дорошин	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александра Маринина

Замена объекта

Игорь Дорошин

Впервые в жизни я слышал, чтобы отец так кричал. Я бы даже сказал – орал, хотя мама с детства приучила меня к тому, что в отношении родителей нельзя употреблять грубые слова даже в мыслях. Папа не может орать, он может говорить на повышенных тонах, не более того. Тем более папе нужно беречь связки. Но сейчас он именно орал, какие бы синонимы и эвфемизмы ни предлагали мне хорошее воспитание и толковые словари. А метрах примерно в двухстах от нас остывали на осеннем асфальте два труп...

Он стоял посреди своей персональной гримуборной, наполовину «размытый», как сказали бы хирурги, то есть уже в махровом халате, но еще в парике и с гримом злодейского графа ди Луны, и поносил меня разнообразными малоприятными словами. Вообще-то мой батюшка, знаменитый баритон Владимир Дорошин, частенько позволял себе повышать голос, но в нашей семье принято было считать, что «папа выпускает пар» и ему это совершенно необходимо. К его чести надо заметить, что кричал он всегда обезличенно, например, что «никто не умеет работать, не могут нормально подготовить спектакль (сцену, костюм, суфлера и тому подобное)», что он завтра же объявит об уходе со сцены, что он не может работать в такой обстановке, что гостиница во время гастролей была холодной и он чуть не загубил горло, и все в таком духе. Ни разу я не слышал, чтобы крики были адресованы конкретно маме, или мне, или человеку, с которым он в данный момент разговаривает. Иными словами, если резюмировать кратко, папенька всегда кричал на тему «все козлы» и никогда на тему «ты дурак».

Сегодня я стал свидетелем и участником первого исключения. Великий Дорошин орал непосредственно в мой адрес. Меня, надо признаться, это здорово шокировало.

Но случилось это вечером, в одиннадцатом часу, а день-то начался весьма премило, развивался строго по составленному заранее графику и даже был наполнен всяческими приятными эмоциями.

Проснулся я в восемь утра, точно по будильнику. Будильник носит имя Ринго, десяти лет от роду, породу имеет неуточненную, ибо куплен был не в питомнике и не через клуб, а с рук у бабушки возле центрального входа на ВДНХ за какую-то совсем смешную сумму. Внешне Ринго сильно смахивает на сибирского кота, но за чистоту крови поручиться не могу. У него овальные раскосые глаза, короткая мощная шея, пучки шерсти между пальцами и черепеховый окрас, и все это вместе весит полноценные восемь килограммов, так что, если верить энциклопедии кошек, на сибирца он вполне тянет, но кто знает... В течение первого года жизни Ринго познавал мир и прикидывал, какие бы правила установить, чтобы жить было удобно. На втором году он определился и пришел к ряду выводов, одним из которых и стало решение о том, что хозяин должен вставать в восемь утра, потому как в восемь ноль пять их высочество желают завтракать. Им так удобно. И на протяжении последующих девяти лет сие правило неуклонно соблюдается. Если мне по какой-то причине нужно встать раньше, Ринго относится к этому как к грубому нарушению режима, презрительно фыркает и даже не подходит к миске, наполненной вкусеньким кошачьим паштетиком из красивой баночки, пока не наступит законное время утреннего кормления. Будит он меня сначала деликатно, вполголоса помякивая возле моей подушки, но если это к желаемому результату не приводит, он разбегается и со всего размаха плюхается своим восьмикилограммовым телом примерно туда, где, по его представлениям, должен находиться мой мочевого пузырь. Представления у старика Ринго правильные,

анатомию человека он знает не хуже профессионального врача, поэтому я немедленно вскакиваю и бегу в сторону туалета, а там уж и место для кошачьего кормления рядом.

Но сегодня до такого экстрима дело не дошло, я проснулся при первой же «подаче голоса», осторожно вытащил руку из под Катиной шеи и спустил ноги с широченной кровати. Ринго одобритительно хрюкнул и, бодро задравши пушистый хвост, потрусил к кормушкам, даже не давая себе труда оглядываться по дороге, дабы убедиться, что я иду в нужном направлении. Знает, паршивец, что никуда я не денусь.

Мисок для кормления у меня чертова уйма, но в кухне на полу аккуратным строем стоят шесть: пять для еды – по числу членов банды – и одна большая, общая, – с водой для питья. Обычно к восьми утра возле мисочек тусуются мальчишки: пятилетний серый с голубым отливом американский экзот Дружок с невысказанно аристократической родословной и двухгодовалый приبلудный потеряшка по кличке Айсор, гладкошерстный, абсолютно черный и с малахитово-зелеными глазами. Судя по красоте экстерьера, тоже породистый, но почему-то выброшенный хозяевами на улицу. Лаковый блеск шерсти наводит на мысль о бомбейской породе, цвет глаз вполне может указывать на бенгальскую кошку, ну а уж по месту рождения и проживания Айсору надлежит быть русской короткошерстной. И чем он, такой невысказанный красавчик, не глянулся владельцу? Девочки числом две, мама с дочкой, любят поспать подольше и просыпаются только тогда, когда слышат сладостные звуки вскрываемых баночек с вожделенным паштетом. Ну что вы на меня так смотрите? Да, у меня пять кошек. А будет еще больше.

Пока я раскладывал завтрак по мискам, из спальни прилепала заспанная Катерина. Лохматая и завернутая в махровое полотенце, она показалась мне еще более симпатичной, чем вчера вечером, когда мы познакомились.

– Что это? – с ужасом спросила она, мгновенно просыпаясь.

Это она еще моих девчонок не видела... Впрочем, реакция вполне ожидаемая.

– Коты, – коротко ответил я, наливая в питьевую миску свежую воду из пятилитровой бутыли.

– Я думала, у тебя только один... Вчера же был один? – на всякий случай уточнила она. – Или я напилась так, что ничего не помню?

В ее голосе зазвучал неподдельный страх. Катерина – хорошая девочка, непьющая и даже не курящая, и мысль о том, что романтический бокал вина, который я предложил ей «для знакомства», перерос в отвратительную пьянку с малознакомым милиционером, казалась ей непереносимой.

Надо было ее успокоить, и я объяснил, что вчера вечером она действительно видела только старика Ринго, добровольно взявшего на себя обязанности ответственного квартиросъемщика и посему считающего своим долгом свирепо бдить, кого это хозяин приводит на подведомственную территорию. Все остальные ребята к гостям сразу никогда не выходят, на всякий случай прячутся подальше и высовываются только тогда, когда уже не могут совладать с любопытством. Наверняка они все приходили ночью в спальню поинтересоваться, кого я привел на этот раз, но в темноте Катя их, конечно же, не видела, а передвигаются кошки, как известно, совершенно неслышно.

– То есть у тебя три кота? – переспросила она голосом, в котором сквозило почему-то уважение.

– На самом деле пять, – честно признался я. – Ты только не волнуйся, это не опасно для жизни.

– А зачем? – задала она следующий вопрос.

Вопрос был резонным, но отвечать на него мне не хотелось. Слишком длинным получилось бы объяснение, а к долгим беседам я расположен не был. У меня сегодня трудный день, точнее, мне предстоит трудная вторая половина дня, а в первой половине придется мно-

покатно разговаривать с матушкой, так что силы мне еще пригодятся. Поэтому я ограничился коротким и всеобъемлющим:

– А я их люблю.

Как ни странно, этого оказалось достаточно, чтобы Катерина мгновенно успокоилась и отправилась в ванную.

С этой чудесной девушкой я познакомился накануне во время съемок видеоклипа популярной группы «Ночные рыцари». Катя приехала туда вместе со своей съемочной группой делать репортаж для одного из телевизионных каналов и брать интервью у продюсера «Рыцарей» Бориса Безрядина, а я присутствовал на съемках от нечего делать. Боря Безрядин и его жена Светка – мои давние друзья, а репертуар группы процентов на семьдесят состоит из песен, которые я же им и написал. У меня выдался свободный вечер, так почему не съездить на съемки? Мне всегда было интересно посмотреть, как режиссеры переводят мою музыку в видеоряд. Как правило, режиссеры эти слышат песню совсем не так, как я, и если бы мне доверили делать клипы, они были бы совсем другими, но я не режиссер и даже не полноценный композитор, а всего лишь участковый милиционер, правда, с хорошим музыкальным образованием. Но все равно интересно...

– Я смотрю, ты не торопишься, – заметила Катерина, обратив внимание на ту неспешность и обстоятельность, с которой я поглощал завтрак. – Разве тебе не надо на работу?

– У меня сегодня отгул.

Она молча переварила новую вводную и приступила к следующему блоку вопросов:

– Слушай, а это правда, что Безрядин никогда не летает самолетами?

– Истинная правда.

– А почему? Боится летать?

– Наверное, – я как можно безразличнее пожал плечами. – Не знаю, может, его тошнит.

– Но ты же его друг, ты должен знать точно.

Разумно. Неужели все журналисты такие въедливые?

– Кать, я не люблю распространяться про других людей за их спиной. Спроси у Бориса, он сам тебе ответит, если сочтет нужным.

– А еще говорят, что он безумно трясется над своим здоровьем, и как только начинается эпидемия гриппа, старается не появляться там, где много народа, чтобы не заразиться. Это правда?

– Кать, отстань, а? – жалобно попросил я. – Существует же элементарная этика. Даже врачи не рассказывают посторонним о болезнях своего пациента. Человек имеет право сам решать, что рассказывать о себе, а чего не рассказывать. Мне начинает казаться, что ты приехала сюда вчера не из симпатии ко мне, а с совершенно другой целью. Если ты думаешь, что я буду сплетничать про Борьку, то ты грубо ошиблась.

– Ну ладно, извини, – быстро отыграла назад Катерина. – А про группу можно спрашивать?

– Нельзя, – отрезал я, опуская вниз руку с зажатым в пальцах кусочком сыра. У моих ног сидели Айсор и младшая из девчонок – Карма, которые за сыр готовы продаться с потрохами. Остальные коты к сыру равнодушны и убедившись, что ничего интересного за завтраком к столу не подают, съели свои порции паштета и удалились. Айсор, как всегда, успел первым, ухватил ломтик и утащил в угол. Карма жалобно муркнула и посмотрела на меня с упреком. Я воровато оглянулся на шустрого подкидыша и тут же сунул ей кусочек потолще. – Про группу спрашивай у Бориса, он продюсер, ему и решать, какую информацию давать и как. Если я скажу про «Рыцарей» хоть слово, которое пойдет вразрез с его концепцией, он меня убьет.

– Хорошо, – покладисто согласилась она. – Тогда поговорим о тебе.

– Это можно, – великодушно разрешил я.

– У тебя в одной из комнат стоит рояль, вечером ты идешь на премьеру в оперный театр, и при этом ты работаешь участковым. Это как?

– А как? – я прикинулся идиотом. – По-моему, нормально.

– У тебя есть музыкальное образование?

– Среднее, в объеме музыкальной школы-семилетки.

– А высшее?

– Высшего нет.

– Что, совсем никакого? – удивилась Катя.

– Я имею в виду, что я консерваторию не заканчивал. А так – юридическое.

– Но почему? Мальчик из такой семьи, папа певец, мама концертмейстер, музыкальную школу окончил и пошел в милиционеры... Да еще в участковые. Должна же быть причина.

Да уж кто бы спорил. Причина быть должна. И она была. Но опять же долго рассказывать. Неохота, да и силы надо поберечь.

– Кать, это дело интимное, очень личное, а мы с тобой еще и суток не знакомы. Я тебе как-нибудь потом расскажу, ладно?

– Конечно, если это «потом» вообще будет, – рассудительно заметила она. – Спасибо за завтрак, Игорек, мне пора.

Я с удовольствием смотрел на нее, пока девушка одевалась в прихожей. Стройная, невысокая, с коротко стриженными темными волосами и веселыми глазами, она казалась совсем юной и напоминала сбежавшего с уроков мальчишку-восьмиклассника. Вместе с тем я знал, что в тележурналистике она не один день, я много раз видел ее репортажи о всяческих событиях из культурной жизни.

Не успел я закрыть за ней дверь, как позвонила мама.

– Егорushка, я этого не переживу, – простонала она. – Я всю ночь не спала. Это какой-то кошмар!

Описание кошмара заняло около тридцати минут. За это время я успел прочесть две главы нового романа Гришэма, к которому питаю давнюю слабость еще со времен моего заочного юридического обучения. Кошмары у моей мамы случаются с завидной регулярностью, но ведь известно, что все в этой жизни подчинено закономерностям, и если эти закономерности уловить, то вполне можно к ним приладиться. Описание кошмара в обычные дни занимает пять-семь минут, в дни папиных спектаклей – минут по двадцать два раза в день, ну а уж если у нас премьера – то раза четыре по полчаса. Тут главное – иметь под рукой интересную книжку. Я терпеливо выслушиваю мамулю и уместно поддакиваю и ахаю, не отрываясь от чтения, – натренировался за много лет. Я очень ее люблю, мою маму, поэтому не считаю возможным прерывать ее излияния, более того, я понимаю, что ей действительно нужно мое внимание и сочувствие, и я не могу и не хочу ей в этом отказывать. Мама преданно служит отцу с самого начала его певческой карьеры, они познакомились, когда он учился в консерватории на вокальном отделении, а она – в Гнесинке по классу фортепиано. Мама стала папиным личным концертмейстером, он всю жизнь репетирует только с ней, она ездит с ним на гастроли, следит за его здоровьем, питанием и комфортом, сходит с ума при малейших признаках простуды у знаменитого Владимира Дорошина, а уж если у него бессонница, тахикардия, насморк или, не дай бог, расстройство желудка, да еще в день спектакля, то это уже не просто кошмар, а Кошмар с большой буквы, или Кошмарище. А сегодня все-таки не рядовой спектакль, а премьера, оперный театр решил поставить «Трубадура» Верди, папа поет в нем партию графа ди Луны, поэтому все, что происходит с обожаемым кумиром, приобретает в маминых глазах масштабы уже не Кошмарища, а Кошмарного Ужаса. Я внимательно слежу за тем, как на страницах романа молодой неопытный адвокат пытается бороться с мощной страховой компанией, незаконно отказавшей смертельно больному юноше в выплате страховки, и при этом слушаю, как плохо папа спал сегодня ночью, и как он два раза вставал и пил чай на

кухне, и что он не в настроении и не в голосе, и как мама десять раз принимала сердечные лекарства, и как у нее все валится из рук, и как она предложила папе проиграть всю его партию, он любит в день спектакля мысленно пропеть то, что ему предстоит озвучить вечером, это помогает ему настроиться, так вот, мама села к роялю и не смогла сыграть простейший аккомпанемент, потому что у нее дрожат руки. Все было давно знакомо и вполне ожидаемо, но все равно это ведь мои родители, которых я нежно люблю и которым нужна моя поддержка.

Описание Кошмарного Ужаса подошло к концу и уступило место вопросам чисто практическим.

– Ты проверил смокинг? Он в порядке?

Я заверил маму, что смокинг в идеальном состоянии и ей не будет за меня стыдно. Это было традицией, ломать которую мне и в голову не приходило. В детстве и юности на папины спектакли я ходил в наглаженных костюмчиках и при галстучках, а лет с двадцати по настоянию матушки перешел на смокинг. Надо заметить, такой порядок мне нравился, смокинг сидел на мне хорошо, и с одетой в вечернее платье мамулей мы смотрелись весьма и весьма...

– Ты говорил сегодня со Светочкой? Они с Борей придут на спектакль?

Господи, да кто ж может это знать? Ни Светка, ни я, ни сам Борис не можем гарантировать, что он куда-то сможет прийти сегодня вечером. Да что там вечером, неизвестно, что будет через час. Но маме я это объяснить не могу, не имею права, дал слово.

Я подробно отчитался о том, как накануне встречался с четой Безрядиных, передал им пригласительные билеты и выслушал их заверения в том, что они всенепременно будут-с. Для моей мамы самое лучшее лекарство в минуты Кошмарного Ужаса – это чье-то сочувствие плюс детальный неторопливый рассказ. Она слушает и как-то успокаивается. Ну в самом деле, сын при смокинге, друзья собираются прийти на спектакль, значит, мир пока еще не рухнул и премьеры, дай-то Бог, пройдет без эксцессов. Папа в дни спектаклей такого лекарства ей устроить не может, потому что вообще не разговаривает. Он, как говорится, недоступен контакту. То есть рта не раскрывает. Вернее, ближе к вечеру он может позволить себе пару раз произнести несколько фраз «поставленным» голосом, а все остальные издаваемые им звуки – это «м-м – м-м» с размахом в октаву. Что поделать, папа-певец – это не просто. И с этим приходится считаться.

На общение с мамой ушел час. Еще полтора часа пришлось потратить на пробежку до ближайшего универсама с целью закупки мяса для моих бандитов. Вообще-то ветеринар меня предупредил, что кастрированных котов кормить сырым мясом не рекомендуется, но вышеуказанной бесчеловечной процедуре я подверг только Ринго и Айсора. Дружочек – полноценный производитель, отец Кармы и муж Арины, и вся эта счастливая семейка трескает сырое мясо так, что только искры летят. Продуктовый поход по моим прикидкам должен был занять минут двадцать, но в график внесла незапланированные изменения Татьяна Леонидовна, милейшая старушка, много лет назад усыновившая мальчика из детдома и с тех пор непрерывно расплачивающаяся за проказы генетики. Несмотря на идеальное воспитание, которое она дала приемному сыну, вырос он сволочью, причем сволочью ленивой и пьющей, и регулярно отбирал у матери пенсию. Многотерпеливая Татьяна Леонидовна, чтобы не помереть с голоду, начинала ходить в гости к старым приятельницам на чашку чаю, но поскольку жили эти приятельницы в разных концах Москвы, от таких поездок она сильно уставала, у нее были больные ноги и слабое сердце, однако тратить здоровье на поездки по городу и скромно пить чай с небогатым стариковским угощением все равно выходило дешевле, чем покупать продукты, и это позволяло ей дотянуть до очередного получения пенсии. Она никогда и ни у кого не просила в долг, и если так получалось, что чаю выпить не с кем, она молча голодала.

Татьяну Леонидовну я заметил на автобусной остановке и сразу понял, что она собралась на очередное чаепитие.

– Опять? – сочувственно спросил я, подходя к ней.

Она не ответила, но взгляд у нее был горьким и потухшим.

– И где он сейчас?

– У меня.

– Отсыпается? Вчера напился и сегодня отдыхает?

Она молча кивнула.

– Почему вы мне сразу не позвонили? Я же просил, чуть что – сразу звоните мне. Я за что зарплату получаю? Дайте мне ключи, – я протянул руку. – И не уезжайте, пока я не вернусь, хорошо?

Она снова кивнула, не произнеся ни слова, и отдала мне ключи от квартиры. Все это происходило далеко не в первый раз, и Татьяна Леонидовна отдавала ключи безропотно и терпеливо ждала меня на остановке, присев на лавочку. Разбирательство с сорокалетним похмельным бугаем много времени не заняло, дело было привычным, и я вернулся к старушке с ключами, непропитыми остатками пенсии и заверениями в том, что сын удалился к месту постоянного проживания почти совсем непобитый. Во всяком случае физическое воздействие, к которому мне пришлось прибегнуть, для здоровья не опасно. От водки вреда куда больше. Вообще-то Татьяна Леонидовна живет не на моем участке, но я знаю ее с детства, и разве она виновата, что нашему участковому наплевать на нее и таких, как она, слабых и беззащитных?

Я проводил Татьяну Леонидовну до дому и вернулся к себе, чтобы предаться любимому занятию: просмотру последних записей и заполнению дневника. Социология сообщества кошачьих – это мой пунктик. Можете считать, что я на этом сдвинулся. Как нормальный милиционер, я давно понял, что люди ведут себя совершенно по-разному, когда они одни и когда рядом с ними кто-то есть. Но то люди, а кошки? Отличается ли их поведение, когда хозяин дома, от поведения, когда его нет и они предоставлены сами себе? Делают ли они то, что «нельзя», когда я ухожу? Или когда я дома, но сплю? Как они делят территорию, когда появляется новый член общества? Зависит ли поведение «старожилов» от того, кем является «новичок», самцом или самкой? Разнится ли поведение стерилизованных и нестерилизованных особей? Влияют ли на поведение родственные связи? Наверное, я далеко не первый, кому пришли в голову все эти вопросы, и наверняка во всем мире проведены сотни исследований и написаны тысячи книг, но я не хочу получать готовые ответы, мне куда интереснее найти их самому. И может быть, я напишу об этом свою книгу. Во всяком случае, материал для нее я набираю самостоятельно и получаю от этого огромное удовольствие. Вся моя квартира напичкана дорогой записывающей аппаратурой, и это позволяет получать полное представление о жизни и деятельности моих питомцев.

Просмотр кассет и ведение записей трижды прерывалось мамиными звонками, из которых я узнал, как она страдает, как ей тяжело, как нервничает папа и что сказал знакомый астролог по поводу сегодняшней премьеры. Астролог, как выяснилось, что-то там посчитал и сделал вывод о том, что сегодня день для премьеры крайне неблагоприятный, и мама теперь не знает, как ей быть, сказать ли об этом папе или промолчать, чтобы не волновать его, но, с другой стороны, вправе ли она скрывать от него столь важную информацию...

В шесть вечера я в смокинге и при аккуратной прическе уже принимал удар на себя, сидя в папиной гримерке. Мама была в полуобмороке, что не мешало ей не выпускать из рук мобильник, обзванивая всех, кого она пригласила на спектакль, и выясняя, едут ли они и в какой точке маршрута в данный момент находятся. Папа гримировался, всей своей фигурой выражая полную отрешенность. Он не притворялся, нет, он действительно ничего не слышал, это точно. Из нас троих адекватным оставался только я, ибо просто не видел поводов для беспокойства. К исключительно трудным партию графа ди Луны отнести никак нельзя, хотя и в ней есть свои неудобства, как и в любой партии. Одним из таких неудобств является то, что партия в целом драматическая, то есть музыка достаточно ритмичная, жесткая и темповая, но в ней есть лирический кусок – ария «Il balen del suo sorriso», которая требует безупречной кан-

тилены, а для нее, в свою очередь, нужны совершенное дыхание, опора и правильная позиция. Думаете, это легко? Это невероятно трудно, и далеко не все вокалисты с этим справляются. Но про отца один музыкальный критик написал, что у него «божественная кантилена», так что «П balen» нам не страшна. Есть еще одно место, о которое частенько «спотыкаются» баритоны с недостаточно подвижным голосом: терцет «Di geloso amor sprezzato» в финале первого акта, но у папы это никогда трудностей не вызывало. А терцет красивый, я его с детства люблю... Короче говоря, ди Луна – типичная вердиевская партия без особых подводных камней, папа пел ее на многих ведущих мировых сценах, и в Лондоне, и в Вене, и в Сиднее, и всегда с большим успехом, поэтому ни малейших причин для переживаний я не видел. Однако певцы – люди с большими странностями, они всегда панически боятся, что голос не зазвучит, отсюда и особенности поведения, с которыми приходится считаться их близким. В данном случае – нам с мамой.

В четверть седьмого затренькал мой мобильник. Я страшно удивился, услышав голос Катерины.

– Ты уже в театре? – спросила она.

– Естественно.

– Можешь выйти на улицу?

– Зачем? – не понял я.

– Меня прислали сделать репортаж о премьере, мы стоим у служебного входа. Выйди, пожалуйста.

Мама, увидев, что я двинулся к двери, бросилась мне наперерез.

– Куда ты, Егорушка? Сейчас спектакль начнется...

Я ласково отодвинул ее и решительно взялся за дверную ручку.

– До спектакля еще сорок пять минут, мамуля, я сто раз успею вернуться.

Уже сбегая по лестнице, я сообразил, что наверняка замерзну на улице в своем шикарном смокинге и в ботиночках на тонкой подошве. Еще декабрь не наступил, а уже вся Москва завалена снегом и мороз градусов под десять. Ладно, не возвращаться же.

Катерину я увидел сразу, она стояла рядом с оператором и его ассистентом возле машины, на борту которой красовался логотип телевизионного канала. А вчера машина была другой, и канал, соответственно, тоже. Надо же, она, оказывается, многостаночница, на два канала работает.

– Привет! – Катя чмокнула меня в щеку. – Извини, что я тебя выдернула.

– Ничего, все в порядке. Хороший у тебя диапазон, вчера попсу снимала, сегодня классическую оперу.

– Это для разных каналов, – подтвердила Катя мои соображения.

– На одном работаешь, на другом подхалтуриваешь? – поддел я ее.

– На обоих халтуру. А работаю вовсе на третьем, – улыбнулась она.

– Вообще-то моя специальность – соцпол, социально-политическая тематика. Можешь ответить на несколько вопросов?

– На камеру?

– Нет, что ты. Понимаешь, я брякнула сегодня, что знакома с сыном Дорошина, и меня прислали делать репортаж и особо оговорили, что должно быть интервью твоего отца перед спектаклем...

– Исключено, – отрезал я.

– погоди, ты не дослушал, – она нетерпеливо притопнула ногой. – В этом же вся фишка, чтобы именно перед спектаклем, а не после него. После спектакля всегда легко говорить, потому что главное уже позади, и в материале никакого драйва нет. Уже понятно, приняла публика спектакль или нет, успех это или провал. А вот до него, перед самым началом, когда и на лице, и в голосе жуткое волнение, и совершенно непонятно, чем все кончится...

– Катя, – остановил я ее, – ты можешь брать интервью до начала у режиссера, у дирижера, у капельдинера, у гардеробщика, у черта лысого, но только не у певца. Это совершенно исключено. Отец ни с кем не разговаривает, пока не споет свою партию. Он никому и никогда не дает интервью, пока не опустится занавес.

– Но ты же можешь с ним поговорить.

– Нет. Ты меня только для этого вызвала?

Я начал сердиться.

– Не только, у меня еще есть вопросы. Говорят, что в постановке использованы элементы авангарда. Это правда?

Элементы! Это еще слабо сказано. Вся постановка – сплошной авангард, нечто подобное я видел только один раз, когда в «Риголетто» все персонажи, кроме затянутого в красное трико шута, были одеты в черные сюртуки конца девятнадцатого века, а по сцене, начисто лишенной каких бы то ни было декораций, постоянно катали туда-сюда красный гробик на колесиках. В нашей стране авангардный театр слегка протянул свои шаловливые ручонки к классической опере в Большом театре, где в «Набукко» просматривались некие аллюзии с нацизмом, потом слегка порезвился на «Травиате» в Новой опере, а потом и вовсе вошел в моду. Любителей и ценителей оперы сегодня не так много, а вот театралов, интересующихся авангардом, – пруд пруди, и они-то точно будут ходить на спектакль. И режиссера пригласили именитого, Вернера Фрая, аж из самой Австрии. За Фраем тянулся длинный шлейф громких скандалов, связанных с отсутствием взаимопонимания между ним и исполнителями, как дирижерами, так и певцами. Он уже «обавангардил» на западных сценах около десятка опер, в том числе и «Пиковую даму», и «Фауста», и даже «Силу судьбы», теперь вот и до России добрался. Я не был ни на одной репетиции, но мама исправно ходила на все и потом подробно пересказывала мне нюансы, так что у меня было ощущение, будто спектакль я уже видел по меньшей мере раз десять. Если попытаться выразить мои ощущения двумя словами, это был «полный караул». Я так и объяснил Катерине.

– А с режиссером ты лично знаком?

– Извини, не удостоился, – усмехнулся я. – Зато могу составить протекцию у директора театра, когда я был маленьким, я часто сидел у него на коленях.

Она уловила издевку, и по ее выразительному личику было отчетливо видно, что она быстро решает задачку: обижаться на меня или не стоит. С одной стороны, я откровенно хамил, но с другой, я еще могу быть полезен. Интересы дела возобладали, и Катя задала следующий вопрос:

– А твоя мама знакома с режиссером?

– Знакома.

Я не стал вдаваться в объяснения, что мама не просто ходила на все репетиции, она еще и пользовалась любезным вниманием скандально известного режиссера как, во-первых, красивая и разбирающаяся в вокале женщина, а во-вторых, супруга единственной в данном ансамбле исполнителей звезды мирового класса, каковой является мой отец. Проще говоря, среди всех певцов, занятых в «Трубадуре», по-настоящему известным является только папа, и ставить эту оперу австрийский режиссер соглашался лишь при условии, что Владимир Дорошин будет петь партию графа ди Луны. Папа много раз пел в его постановках в США и в Европе и, как ни странно, прекрасно вписывался в авангардные идеи и умело их воплощал на сцене. Он у нас с мамой не только великий баритон, но и превосходный актер, пластичный и, как нынче принято говорить, очень креативный. Среди басов таким артистом был Шаляпин, а среди баритонов, изволите ли видеть, Дорошин.

– Она может попросить его дать мне интервью? Наш продюсер сегодня пытался с ним связаться, но ничего не вышло. Секретарь сказал, что господин Фрай очень занят и сможет найти для нас время дня через три, не раньше.

Тонкие подошвы моих модных ботинок гостеприимно принимали холод от промерзшего тротуара и с воодушевлением отправляли его вверх, гулять по всему телу. Я не только сердился, но и замерз, но Катины слова показались мне толковыми. В самом деле, пора оторвать маму от отца и отвлечь на что-нибудь полезное.

– Вы директору театра звонили?

– Да, он уже знает, что мы приехали, и разрешил съемку.

– Тогда пошли, я познакомлю тебя с мамой, а дальше ты с ней сама договаривайся. Может быть, она тебе поможет, но ничего гарантировать не могу.

Я быстро нырнул в дверь служебного входа, Катерина с нагруженными аппаратурой оператором и ассистентом ринулись следом за мной. Мама, видно, и сама подустала от переживаний, потому что с энтузиазмом кинулась заниматься Катиной проблемой, тут же выскочила из гримерки в коридор и принялась звонить секретарю господина Фрая. И телефонный номер при этом набирала по памяти... Может, я чего-то не знаю о своей мамуле? Что ж, Вернер Фрай, насколько мне известно, вдовец, а мамуля у меня красавица и в свои пятьдесят пять выглядит просто роскошно. Никогда не понимал, как она при такой внешности умудрилась превратиться в клушу, машущую крыльями над своим кумиром. Ей бы в свете блистать, а она варит отцу каши, пичкает его витаминами и готова часами обсуждать работу его кишечника. Вот так и стоял я в узком длинном коридоре, смотрел на маму, статную, высокую, в элегантном вечернем платье, слушал, как бойко она говорит в телефонную трубку что-то по-немецки, и не понимал. Это у меня такое занятие есть, совсем отдельное занятие, называется оно «не понимать». Иногда я «не понимаю» всего несколько секунд, иногда – несколько часов или даже дней, но всегда предаюсь этому основательно и со вкусом.

Мама о чем-то договорилась со своим немецкоговорящим собеседником, ободряюще улыбнулась съемочной группе и куда-то их повела, бросив мне на ходу:

– Жди меня в ложе, папу не беспокой, пусть побудет один.

Я с удовольствием прошелся по театру, в котором не был уже несколько месяцев, в последний раз папа пел здесь в мае в «Аиде». Это была, конечно же, не премьера, и можно было не ходить на спектакль, но мама очень просила составить ей компанию, у нее, уж не помню, по какой причине, сделался в тот день Кошмарный Ужас, и ей просто необходимо было мое присутствие. При помощи мобильного телефона я быстро разыскал в толпе Свету и Бориса Безрядных и некоторое время безуспешно отбивался от их саркастических замечаний по поводу Катерины, которую увел накануне из студии у всех на глазах. Юмор у Бориса ядовитый, а у меня с остроумием не очень-то, а уж с реакцией совсем беда, посему быстро найти удачный ответ удается крайне редко.

Без пяти семь я сидел в ложе дирекции, без двух минут ворвалась запыхавшаяся мамуля и принялась торопливо отчитываться о проделанной работе. Вернер (она назвала режиссера именно так, а не по фамилии) оказался очень любезным и согласился дать интервью сразу после спектакля, несмотря на то, что у него все расписано по минутам, но он такой милый человек, с таким уважением относится к папе и, как следствие, к его жене... И Катя очень милая девочка, такая молоденькая, а занимается серьезным делом, не то что все эти свистушки и вертихвостки, и вообще, что это такое, мне уже тридцать два года, а я все еще не женат. Отчет грозил перерасти в анализ моей личной жизни, но, к моему счастью, поднялся занавес. Рассказ Феррандо, сцена Леоноры и Инес, а вот и папин выход. Чем ближе к терцету, тем сильнее я беспокоился. Мама, конечно, рассказывала мне, что для воплощения режиссерского замысла дирижеру велели заметно увеличить темп в этом месте, но я не предполагал, что настолько. Слишком высокий темп в «*Di geloso amor sprezzato*» мог обернуться катастрофой для баритона.

Но папа был великолепен! Все четыре ноты на звуке «а» в слове «*sprezzato*» были отчетливо слышны, и все четыре ноты на «о» в слове «*foso*» тоже. Голос его был так выразителен,

а в мимике и всей фигуре столько экспрессии, что даже человек, не знающий итальянского, легко догадался бы, о чем поет граф ди Луна. Огонь ревности и неразделенной любви пылает в нем страшным пламенем, и всей крови Манрико не хватит, чтобы потушить это пламя. Во какие страсти!

Ну что ж, можно констатировать, что папа в отличной форме. На первой сцене второго акта можно расслабиться, там графа вообще нет, в начале второй сцены нужно пережить арию «Il balen», и если там все будет в порядке, уже не напрягаться до самого конца. Хотя есть еще сцена графа ди Луны с Азученой, и если господин Фрай и там затеял увеличение темпа, то успокаиваться рано.

Да, кантиленным пением папа владеет, вопросов нет. Звук чистый, летящий, без малейшей вибрации. Едва он начал петь, жестокий и беспощадный граф превратился в нежного и страстного влюбленного, раздираемого любовью и ревностью. «Свет ее улыбки заставляет померкнуть сияние звезд... Ах, если бы ее лучистый взгляд мог погасить ярость, бушующую в моем сердце...» Я, конечно, знаю текст практически наизусть, и перевод знаю, потому что мои детство и юность прошли под аккомпанемент постоянных репетиций, но, повторяю, папа пел так, что и без перевода все было понятно. Я скосил глаза на сидящую рядом маму. По ее лицу текли слезы. Это была какая-то древняя история, еще из тех времен, когда оба были студентами, и за мамой ухаживал какой-то виолончелист, а папа с ума сходил и ревновал ужасно, но никак не мог придумать, как бы ему выяснить отношения и объясниться наконец. И вот он пришел к маме домой, сел к роялю и спел ей «Il balen». Пел он так проникновенно, что мама расплакалась. С тех она всегда плачет, когда папа поет эту арию, будь то спектакль или рядовая репетиция. Все эти годы при помощи «Il balen» он объясняется ей в любви. Вот тут для меня как раз нет ничего непонятного. Папа никогда не был «видным мужчиной», не особо красивый, с небогатой шевелюрой, и росточком пониже мамы, он, наверное, долго не мог поверить своему счастью, когда такая красавица, отбою не знавшая от кавалеров, остановила на нем свой выбор. Ведь мама не могла знать тогда, в свои двадцать лет, что он станет звездой мировой оперы, и что она обедеет вместе с ним весь мир, и они будут почетными гостями на приемах в королевских дворцах, а у себя на родине будут жить в загородном особняке, и у каждого из них будет машина с водителем. Меня никогда не удивляло, что папа влюбился в маму. Но вот почему мама полюбила папу тридцать пять лет назад, остается до сих пор для меня загадкой.

Тут я впал в состояние «непонимания», перестав слушать оперу и погружившись в размышления о своих родителях и о превратностях любви, и очнулся только на финальной фразе ди Луна: «E vivo ancora!» Опера закончилась. Ну надо же! А ведь был антракт, во время которого мы с мамой ходили по фойе, с кем-то разговаривали, потом нас, кажется, пригласил к себе директор, мы пили кофе с конфетами, там были еще какие-то люди. Я мило улыбался, уместно кивал, а сам продолжал наблюдать за мамой, любоваться ею и «не понимать». Заходить к папе до окончания спектакля категорически запрещалось: он боялся... Впрочем, я уже говорил, что певцы – люди особенные. Я имею в виду, конечно, не всех певцов, а только тех, кто владеет техникой резонансного пения и поет «живьем». Те, которые «горловики» от попсы и поют «под фанеру», те ничего, как правило, не боятся, и разговаривают, когда и сколько хотят, и едят все подряд, а некоторые даже могут позволить себе поспать перед выступлением. Ну чего бояться за голос, если голоса нет? У настоящих же певцов вся жизнь посвящена одному: обслуживанию голосового аппарата, и все, что несет в себе хотя бы малейшую угрозу причинения вреда этому аппарату, изгоняется из жизни безжалостно. Из папиной жизни, например, напрочь исчезли яблоки, виноград, песочное печенье, чай без сахара, пиво и вино. Никакой голосовой нагрузки в день выступления. И, разумеется, никакого дневного сна, потому что связки «спят» еще примерно три часа после того, как сам человек уже проснулся. Короче говоря, все их существование подчинено жестким ограничениям вперемешку с разного рода причудами, суевериями и прочими прибабасами.

Судя по реакции зала, мнения о спектакле разделились. Поклонники хорошего вокала бурно аплодировали, помимо моего отца был очень приличный тенор-Манрико и вполне перспективная сопрано-Леонора, у которой нижний регистр, конечно, отсутствовал по молодости лет (мама говорила, что ей только-только исполнилось двадцать шесть, какие уж тут низы, голос еще не развился полностью), но в верхнем регистре она звучала очаровательно. Те же, кто в вокале не сильно разбирался, а интересовался именно постановкой, то есть режиссерским видением, остались недовольны и потихоньку покидали зал, не утруждая себя овациями. Мы с мамой тоже быстренько вышли из ложи и направились в сторону служебного прохода, чтобы ждать папу-триумфатора в его гримерке. Мир моих родителей – это мир традиций и раз и навсегда установленных порядков, менять которые никому не позволялось. От первого звонка до выходов на поклон к папе не подходить, зато после окончания спектакля или концерта ждать его в гримборной с горячим сладким чаем и бутылкой дорогого коньяка.

Все шло строго по регламенту. Мама включила чайник и заварила папин любимый чай, я открыл коньяк, и мы обменивались впечатлениями. Меня, дурака, угораздило отпустить пару язвительных замечаний в адрес тенора. Конечно же, я подставился. Ну и сам виноват, нечего молотить все подряд, что на уме, то и на языке. Мама тут же включила свою любимую пластинку с романсом «неудачный ребенок».

– Егорушка, я считаю, что ты должен уйти из своей дурацкой милиции, пока еще не поздно. Тебе всего тридцать два года, ты еще можешь начать все сначала, сочинять хорошую серьезную музыку. Ну какой из тебя милиционер? Зато ты так слышишь, ты так разбираешься в опере, у тебя такие способности! Ну почему ты себя губишь? Ради чего? Ради того, чтобы что-то нам с папой доказать?

Голос ее был наполнен трагической патетикой, как и всегда при исполнении этой любимой «старой песни о главном». Что ж, в чем-то мамуля, безусловно, права, милиционер я действительно никудышный, и выговоров у меня больше, чем вообще листов в моем личном деле. С работой у меня любовь без взаимности, я ее люблю, а она меня – нет. Но я все равно ее не брошу, пока она меня не выгонит окончательно и бесповоротно.

– Мама, я в милиции служу четырнадцать лет, по-моему, этого срока более чем достаточно, чтобы понять, что мне эта работа подходит и никакой другой мне не нужно. И потом, я не могу сочинять серьезную музыку, мне это не интересно.

– Но у тебя талант, Егор! Ты не имеешь права зарывать его в землю! Ты посмотри, какой образ жизни ты ведешь! Ты же разрушаешь себя, свою личность. Не хочешь быть композитором – ладно, ты можешь стать прекрасным музыкальным критиком, у тебя для этого есть все данные, ты хорошо чувствуешь исполнение и хорошо слышишь. Ты – человек музыки, прирожденный музыкант, ты вырос в семье музыкантов, ты получил музыкальное образование, ты писал прелестные сонаты и фуги, когда тебе было двенадцать лет. А романсы! Ты помнишь, какие романсы ты сочинял, когда был совсем ребенком? С каким удовольствием папа их исполнял, ты помнишь? И к чему все пришло? Ты носишь эту отвратительную серую форму, копаешься в человеческой грязи, возишься со всякими отбросами, пьяницами и хулиганами, сочиняешь какие-то идиотские попсовые песенки, которые слова доброго не стоят, тебе уже тридцать два года, а ты все еще не женат. И еще кошки эти дурацкие! Егор, ты должен одуматься, пока не стало слишком поздно.

Ого, мне «уже» тридцать два года. Три минуты назад тридцать два было «еще».

– Оставь, пожалуйста, в покое моих кошек, – беззлобно огрызнулся я. – Между прочим, попсовые песенки приносят мне хорошие деньги, на которые я могу жить, ни в чем себе не отказывая. И не надо меня женить, ладно? Я сам как-нибудь это устрою.

– Я все-таки настойчиво рекомендую тебе присмотреться к Кате, – мама сменила тон с трагического на заговорщический. – По-моему, она очень достойная девушка.

Я легко подхватил спасательный круг, брошенный мамой, но поплыл на нем совсем в другую сторону.

– Кстати, о Кате. Что-то папы долго нет. Может, она у него интервью берет?

– Вполне возможно. Во всяком случае, такая мысль у нее была. Вернер обещал уделить ей пять минут сразу после спектакля, прямо за кулисами, наверное, она и папу там перехватила.

Окно гримерки выходило во внутренний двор. Я смотрел на высокие и пока еще белые сугробы, освещенные фонарями, и думал о том, что если и завтра будет так же холодно, как сегодня, то придется лезть на антресоли за теплыми ботинками. И доставать из шкафа зимнюю куртку на меху. После минувшей зимы я собирался отдать ее в чистку, но руки все не доходили, казалось, что до следующих холодов еще так далеко... Ан нет, вот они и нагрянули, а куртка... ну, мягко говоря, не совсем стерильная и нуждается в некоторой обработке. А я опять не успел. Это моя вечная беда, я никогда ничего не делаю вовремя, что на работе, что в быту. Всегда сначала откладываю, потом забываю, потом приходится как-то выкручиваться. Вот что мне теперь делать? Сдать завтра куртку в химчистку и еще пару дней померзнуть? Или ходить в грязной? Есть еще и третий вариант: пойти в магазин и купить новую одежду. А что, тоже выход! С утра на работу, например, идти в форменной зимней куртке, она теплющая, а днем выкроить часок и доехать до какого-нибудь приличного магазина. Или все-таки использовать этот часок для посещения химчистки? Ну почему я постоянно создаю себе проблемы на ровном месте, а потом ломаю голову над их решением!? Почему я такой урод, а?

Пришел уставший и сияющий папа в окружении небольшой толпы, в составе которой, помимо четы Безрядиных, были папин продюсер, добрейший и супернадежный Николай Львович, костюмер, трое папиных задушевных приятелей и парочка маминых ближайших друзей. Приятели были талисманами отца, он любил, чтобы они сидели в зале по крайней мере на премьерах, это вселяло в него уверенность, что все будет в порядке. Мамины подруги тоже были талисманами, только для мамы. В общем, как я уже говорил, все артисты немножко того, а уж вокалисты – это вообще что-то особенное. В гримерке стало тесно, шумно и празднично. Спустя пару минут подтянулись директор театра и сам его величество Вернер Фрай.

– Он давал интервью? – тихонько спросил я директора, показывая глазами на режиссера.

– Да, прямо за кулисами. Ну и настырная девка! Как она к нему пробилась?

Я лицемерно пожал плечами, дескать, сам не понимаю.

Папа блистал. После спектакля можно расслабиться, голос не подвел, и он шутил, веселился и рассказывал анекдоты, причем делал это просто феерически. Минут через двадцать он снял сценический костюм, но грим смывать не стал, ему всегда нравилось побыть еще немножко в образе, это напоминало ему о хорошо выполненной работе.

Мама стояла рядом с Фраем и выполняла функции переводчика. Она бегло говорила по-немецки, и господину режиссеру скучно не было. Он охотно смеялся над анекдотами, видимо, маме удавалось донести до него наш непередаваемый русский юмор. Мамуля у меня к языкам дюже способная, чего не скажешь о папе, она легко выучила не только немецкий, но и еще несколько языков, в основном тех стран, где папа чаще всего гастролировал, и он без мамы в чужой стране шагу ступить не мог. Я до сих пор не перестаю удивляться тому, как она с такими способностями похоронила себя в роли папиной няньки. Но, впрочем, об этом я уже говорил...

Мне хотелось домой. Во-первых, завтра вставать на работу, и нужно было выспаться как следует, потому что день предстоял обычный, то есть не облегченный, и провести его предстояло, как всегда, на ногах, в беготне и бесконечных разборках с начальством, которое опять станет меня ругать и всячески поносить за то, что у меня такие низкие показатели участия в раскрытии преступлений и что я совершенно не занимаюсь административным сектором, то есть расположенными на моем участке учреждениями и организациями. Во-вторых, я все-таки подмерз, стоя с Катериной на улице, и у меня побаливала голова, заложило нос и першило в горле. Но уйти было никак невозможно, банкет-фуршет после премьеры – это святое, а мое

участие в нем – одна из тех традиций, которые нарушались только во время гастролей. Спасибо мамуле, она не требовала, чтобы я бросал все дела, писал рапорт о трехдневном отпуске «по семейным обстоятельствам» и летел куда-нибудь за границу или на другой конец России, чтобы присутствовать на папином спектакле. Если же премьера имела место в Москве или Питере, то только моя смерть могла освободить меня от участия в банкете. Слава богу, пока я еще жив.

Меня спасли Безрядины. Светка, которая знала меня, как облупленного, заметила мою кислую физиономию и предложила выйти покурить. При этом имелось в виду, что курить будет она, а я постою рядом и повдыхаю дым. Я радостно схватил свое пальто, предвкушая несколько минут сумрака и тишины где-нибудь на лестничной площадке, и только тут услышал, как надывается мобильник, который я сунул в карман пальто, уходя в зрительный зал перед самым началом спектакля.

– Игорь, ты еще в театре?

Снова Катерина! Да что ж это такое-то! Вот неугомонная.

– Пока да.

– Ты можешь выйти?

Да она что, с ума сошла? Мы только вчера познакомились, а она уже считает, что я должен бежать по первому ее зову и организовывать ей интервью со звездами. Да, она ночевала у меня, но с учетом современных нравов это мало что означает. Во всяком случае превращаться в мальчика на побегушках я не намерен.

– Не могу, – сухо отрезал я.

– Выйди, пожалуйста, Игорь, это очень важно.

Голос ее был подозрительно звонким и настойчивым, но в тот момент милиционер во мне крепко спал, я был просто членом семьи, сыном своих родителей, у которых сегодня большое событие. Я ничего не заподозрил и начал раздражаться.

– Катя, извини, но все, что мог, я для тебя сегодня сделал. Давай завтра созвонимся.

– Игорь, здесь убийство...

Спящий милиционер проснулся и открыл глаза. Ну, не совсем, конечно, так, чуть-чуть приоткрыл.

– Это шутка?

– Какая шутка! – голос ее сорвался, и в нем отчетливо зазвучала злость. – Здесь стреляли, люди в панике.

Через три секунды я понял, что снова бегу вниз по лестнице служебного хода. И снова без пальто. Что-то у меня сегодня с головой не слава богу.

Выскочив на улицу, я пробежал вдоль фасада, завернул за угол и увидел толпу. От толпы исходило густое, как туман в низине, ощущение страха. Я его хорошо знал, оно имело для меня вкус и запах, и эти вкус и запах всегда помогали мне издали отличить группу по-настоящему дерущихся людей от тех, кто просто шутя толкается и задирается с пьяных глаз, как говорится, «в рамках общения».

Откуда-то из-за машины мне наперерез кинулась Катерина. Я еще успел заметить, что она почему-то в очках, хотя ни накануне вечером, ни сегодня никаких очков я на ней не видел, и что она очень бледная. И это было моим последним на сегодняшний день впечатлением обычного мужика. Через мгновение легкомысленный ухажер, кошковладелец и сын известного певца исчез, и на его месте появился обычный, не очень профессиональный, не особенно удачливый и абсолютно не амбициозный милиционер.

* * *

Через двадцать минут подъехали две милицейские машины с опергруппой и дежурным следователем и почти сразу же следом – «Скорая». К этому времени я успел сделать кое-что

полезное, например, отделил от толпы и собрал в кучку людей, которые могли внятно рассказать, что произошло. Кроме того, я установил имена пострадавших и составил более или менее четкую картинку. Когда закончился спектакль и первые зрители показались в дверях, из припаркованной возле театра машины марки «ауди» вышел мужчина по имени Николай Кузнецов и встал так, чтобы видеть выход. Через некоторое время в дверях показалась Алла Сороченко, молодая красивая женщина в дорогом пальто, отделанном мехом шиншиллы. Кузнецов двинулся по направлению к ней, и в тот момент, когда он был уже совсем рядом, раздался первый выстрел. Сороченко стала падать, Кузнецов подхватил ее и закрыл собой. Вторая пуля попала ему в спину, судя по розовой пене, выступившей на губах, – прямо в легкое. Третий выстрел – в затылок. Убийца, кто бы он ни был, отличался завидным хладнокровием: суметь сделать три достаточно точных попадания в людей,двигающихся в толпе, да не в упор, а с расстояния как минимум метров в двадцать, – это дорогого стоит. Народ, естественно, завизжал, засуетился и запаниковал, по сторонам никто не глядел, и уж совсем понятно, что за убийцей никто не кинулся. Он спокойно сел в машину и уехал. Просто невероятное везенье, что мне удалось зацепить в толпе двух человек, которые видели стрелявшего. Вернее, они не видели, как он стрелял, но заметили человека, сядившегося с винтовкой в руках в грязный черный «сааб», который рванул с места и моментально скрылся. О номерах машины в такой ситуации и речи не было, а описание человека с винтовкой оказалось таким, что можно хоть сейчас пол-Москвы арестовывать. Темная куртка, на голове вязаная шапочка, лица не разглядели.

Еще три человека, которых я определил в потенциальные свидетели, были водителями, ожидавшими своих хозяев в машинах возле театра. Они видели убитого Кузнецова, он тоже сидел в машине и ждал, когда закончится спектакль. Дважды выходил из машины, один раз ходил за сигаретами в ближайший киоск, второй раз подходил к какому-то парню, шатавшемуся поблизости, о чем-то с ним поговорил, после чего парень вроде бы исчез, но, может, и не исчез, свидетель особо не присматривался. Более подробно я расспрашивать не стал, придут оперативники и сами все нужные вопросы зададут. Я и без того за двадцать минут успел немало, я даже сделал то, что не пришло бы в голову сделать человеку, незнакомому с миром театра: позвонил директору театра и строго попросил объявить по громкой связи, чтобы ни один артист, занятый в только что окончившемся спектакле, не покидал здание. И вообще здесь не мой участок и даже не мой округ, за самостоятельность могут так по шее надавать, что мало не покажется.

В приехавшей группе оказались следователь, два сыщика, судебный медик и эксперт-криминалист. Ни одного знакомого лица, что, впрочем, неудивительно, округ-то не мой. Я почувствовал себя на редкость неуютно и даже как-то глупо. Вот сейчас надо подойти, представиться, объяснить, кто я такой и почему тут командовал до приезда милиции, отчитаться о том, что сделано. И почему я должен перед ними отчитываться? Они мне кто? Начальники, что ли? Видал я их... Я даже не опер, я рядовой участковый.

Меня посетила мужественная мысль уйти в тину. Просто скрыться. Свалить отсюда, одним словом. Никому ничего не говорить, предупредить стоящих поодаль свидетелей, чтобы подошли к оперативникам сами и все рассказали. А установить личность потерпевших приехавшие и сами смогут, не глупее меня, надо думать, пошарят по карманам, откроют сумочку мадам Сороченко, найдут паспорт, обнаружат документы в кармане у Кузнецова, короче, сделают все то же самое, что и я. На мгновение представив, как я сейчас подойду к сыщикам и следователю, весь такой при смокинге и «бабочке», благоухающий туалетной водой от Версаче, и начну докладывать о работе, проведенной на месте происшествия, мне стало тошно до рвоты. Не надо быть ясновидящим, чтобы представить себе, что они обо мне подумают, как начнут со мной разговаривать и куда пошлют.

Я тяжело вздохнул и направился к прибывшим. А ведь как хорошо день начинался! Катя, коты, дневники, пара новых набросков для будущей книги, роскошный папин баритон в обрамлении красивой музыки...

– Добрый вечер, – обреченно пробормотал я, подходя к самому на вид незлобному члену дежурной группы. – Капитан Дорошин, участковый, правда, не местный. Если вам нужны лишние руки, то я готов.

Как я и предполагал, взгляд, которым окинул меня молоденький коротко стриженный оперативник, был отнюдь не эталоном дружелюбия. Участковый в смокинге возле оперного театра. Обхохочешься.

– Вы свидетель?

– Нет, – честно признался я. – В момент совершения преступления я находился в здании. Но пока вас ждали, я нашел несколько человек, которые могут быть свидетелями, вон они стоят, я попросил их не уходить.

– А кто вас сюда вызвал? – оперативник не скрывал подозрительности.

– Никто, – я пожал плечами, – я был на спектакле.

– И собрались идти домой без пальто? – насмешливо спросил он.

Глазастый. Сообразил, что я раздет.

– Мне позвонили с улицы, когда я был еще в здании, и я вышел. Бежал бегом, одеться не успел.

– Кто позвонил?

– Знакомая. Она уже была здесь, у выхода. Она знает, что я работник милиции, поэтому и позвонила.

– Ясно. Что еще можете сообщить?

Я добросовестно сообщил все, что мог. Когда дошел до просьбы всем участникам спектакля задержаться в театре, сыщик посмотрел на меня с недоумением. Между прочим, манеры у него те еще, отчета требует, а сам даже не представился.

– Понимаете, сегодня премьера, – стал объяснять я, – а на премьере в зале обычно бывает очень мало случайных людей. Основная масса зрителей – чьи-то гости. Вот я и подумал, что если потерпевшую пригласил кто-то из артистов, то можно попробовать прямо сейчас это установить, и мы получим... то есть вы получите дополнительного свидетеля, который знает убийственную и может пролить свет на причины убийства. Ведь убить хотели именно ее, это ясно. Первый выстрел был в женщину, и только потом пули попали в Кузнецова, который закрывал ее собой. Но если вы считаете, что это лишнее, я позвоню директору театра, и он отпустит всех по домам. Вам решать. Я только хотел помочь.

Оперативник помолчал несколько секунд, потом скупой улыбнулся и протянул мне руку. Наконец-то дозрел до знакомства. Сниззошел. Ну что ж, так всегда было, уголовный розыск – белая кость, а все остальные-прочие – так, шелупонь, подсобные рабочие.

– Иван, – назвал он свое имя, потом добавил: – Хвыля. А ты?

– Игорь. Удостоверение показать?

– Не надо, и так все ясно. Сейчас еще ребята подъедут, но ты все равно останься, помоги, если время есть. Как ты сказал, твоя фамилия?

– Дорошин.

Он молча перевел глаза на афишу у меня за спиной, и я внутренне поморщился. Ну вот, сейчас начнется. Папино имя набрано на афише аршинными буквами. Звезда мировой оперной сцены Владимир Дорошин в опере Дж. Верди «Трубадур». Черт бы взял эту папину мировую славу. Вещь, конечно, хорошая, но иногда бывает так некстати...

– Родственник, что ли?

– Сын, – коротко пояснил я, не вдаваясь в детали.

– То-то я смотрю, ты в смокинге, – усмехнулся Иван. – Значит, всю эту тусовку знаешь?

– Немножко. Лично мало с кем знаком, зато могу разобраться, что к чему. И здание театра хорошо знаю, могу дорогу показывать.

Мне не удалось скрыть сарказм, и Ивану это, похоже, не очень понравилось. Едва потеплевший голос снова стал сухим и холодным.

– Подожди меня пару минут, я сейчас со следователем переговорю, и пойдем.

– Куда?

– В театр, артистов опрашивать. Насчет приглашенных – мысль хорошая, я бы не допер.

Едва я остался один, появилась Катя. Интересно, где она все время пряталась? Словно из темноты материализовалась.

– Игорь, ты должен мне помочь. Я хочу сделать материал с места событий. Поговори с кем-нибудь из оперов, пусть скажут несколько слов на камеру. Трупы мы уже отсняли, так что картинка есть, даже пару интервью со зрителями сделали, но мне нужны официальные лица. Желательно в форме.

Во шустрая! Не девка, а механический веник. Наш пострел везде поспел. Краем глаза я наблюдал за местом, где лежали Алла Сороченко и Николай Кузнецов. Врачи из «Скорой» уже отошли от них, из чего становилось ясно, что помочь им невозможно, и теперь над телами склонился судебно-медицинский эксперт. Мужчина лежал на женщине, почти полностью накрывая ее, и они казались влюбленной парой, застигнутой непонятно откуда взявшейся смертью. Мне стало грустно и одновременно пришло облегчение, ведь я подходил к ним сразу после убийства, искал документы, и уже в тот момент был уверен, что оба мертвы, покойников я, сами понимаете, навидался за годы работы, и человека без сознания как-нибудь могу отличить от человека без жизни, но все-таки грызло беспокойство: а вдруг я ошибся, и можно было еще что-то сделать, оказать помощь, спасти, а я ничего не предпринял. Но никакой ошибки не было.

– Насколько я знаю, на том канале, для которого ты делаешь репортаж о премьере, криминальные новости не идут, – заметил я.

– Это само собой, – согласилась Катя. – Но мое основное место работы на другом канале, я же тебе говорила. Я уже позвонила туда, договорилась, они обещали заплатить оператору, если он поможет мне сделать материал. Ну Игорек, ну что тебе стоит?

– Кать, я ни с кем из них не знаком, я не могу их ни о чем просить.

– Ну почему? Ты же их коллега, тоже милиционер. Они тебя послушают.

– Катя, люди работают, неужели ты не понимаешь? Это же не разграбленный ларек, это два трупа, два мертвых человека. Сейчас надо место происшествия осматривать, очевидцев искать и опрашивать, протокол составлять, работы выше головы, а ты с глупостями лезешь.

– Но я тоже работаю! – возмутилась она. – Думаешь, для меня большое удовольствие трупы снимать?

– Ага, новости – ваша профессия, – поддакнул я. – Катя, я никого не буду ни о чем просить. Если тебе надо, иди сама и договаривайся.

– Я уже пробовала, – понуро призналась она.

– И как?

– Послали.

– Грубо?

– Да нет, не очень. Скорее, даже вежливо. Но твердо.

– Вот видишь, я был прав, им не до тебя. Для таких случаев в каждом управлении есть пресс-служба, они и дают всякие комментарии.

– Но с пресс-службой же договариваться надо! – в отчаянии воскликнула Катя. – А у меня горящий материал! Это же такая редкая удача – оказаться с камерой на месте происшествия как раз в момент убийства! Ты что, не понимаешь?

– Да понимаю я. Но ты сама подумай своей головой, ну что сыщики тебе могут сейчас сказать? Они только что приехали, они даже толком не знают еще, что здесь случилось. Какие

слова ты хочешь от них услышать? Мол, приехали по вызову на двойное убийство и сами пока не поняли, что к чему? Этого ты хочешь? Даже я на данный момент знаю больше них.

– Ну давай, я у тебя возьму интервью, а, Игорь?

– Я же не в форме, – хмыкнул я.

– Ничего, это даже еще круче: милиционер в смокинге, – возбужденно заговорила Катерина. – Все равно титр даем, место работы и должность указываем. А по картинке будет хорошо!

– Катя, отстань.

– Ну почему?

– Потому что твой материал пройдет в эфире и через полчаса о нем все забудут, а мне еще работать и работать. У меня, знаешь ли, начальники есть, и все они смотрят телевизор, и далеко не у всех хороший характер и нормальная психика. Какому начальнику понравится, когда их подчиненный дает интервью по чужому преступлению, да еще без их разрешения, но зато в смокинге? И думать забудь.

Я увидел, как сквозь заметно поредевшую толпу пробирается ко мне Иван Хвыля.

– Все, Катюша, закрываем дебаты, мне надо идти.

Она тут же сделала стойку.

– Куда?

Да, напора ей не занимать. Далеко пойдет. И в старости я буду рассказывать внукам, как однажды провел ночь со знаменитой журналисткой Екатериной Кибальчич, которая в те времена была совсем молоденькой, очень хорошенькой, но мало кому известной... И было это в то самое время, когда их знаменитый прадедушка пел в «Трубадуре» в постановке знаменитого Вернера Фрая. Мои внуки будут расти под сенью сплошных знаменитостей.

Катя перехватила мой взгляд и ринулась к Ивану.

– Екатерина Кибальчич, программа «Город», – быстро заговорила она. – Вы могли бы дать короткий комментарий к случившемуся? Всего несколько слов для наших телезрителей.

Иван растерялся. Молодой еще.

– Да что тут комментировать? Сами пока ничего не знаем.

Я молча схватил его за руку и потащил к служебному входу. Пока я шнырял в толпе, выискивая свидетелей, холод как-то не ощущался, но теперь я почувствовал, что замерз окончательно, бесповоротно и на всю оставшуюся жизнь. Я уже никогда не согреюсь и до гробовой доски буду идти рука об руку с насморком, имеющим в среде специалистов благородное название «острый ринит». Он даже не станет хроническим, он так и будет острым до самого конца. Возможно, третьим в нашей теплой компании станет острый бронхит. На троих-то оно веселее.

На вахте сидели бравый дядя-охранник с выправкой бывшего военного и обожаемая мною старенькая, но полная сил, энергии и любознательности тетя Зоя, которая работала на этом самом месте, когда я был еще ребенком, то есть в те давние-давние времена, когда звери еще говорили, а вахтерами служили женщины и старики. Тетя Зоя была папиной поклонницей, поэтому меня любила, баловала и всегда угощала пирожными, которые покупала специально для меня в театральном буфете. Да, были, были такие времена, когда в магазинах пирожных могло и не оказаться, а вот в театральных буфетах они были всегда, как и бутерброды с дефицитной красной и белой рыбой.

Увидев меня, тетя Зоя всплеснула руками.

– Игоречек, что же это делается? Там что, правда кого-то убили? Я смотрю, никто из артистов не выходит, Дмитрий Евгеньевич по радио объявил, чтобы никто не покидал здание, я тут сижу, сижу, ничего не знаю, никто ничего не говорит, просто ужас какой-то! – затараторила она. – Твоя мама два раза спускалась, спрашивала, не возвращался ли ты, она тебе все время звонит на мобильник, а ты не отвечаешь. Все так волнуются, никто ничего не понимает, мне велено никого не выпускать...

– Тетя Зоя, там действительно произошло несчастье, застрелили двух человек, поэтому вас просят помочь милиции и обеспечить присутствие в театре всех возможных свидетелей. Вы уж постарайтесь, не подведите, ладно?

– Так какие же могут быть свидетели, если все артисты здесь, в театре, а убили на улице? – неподдельно удивилась старая вахтерша. – Никто ведь не выходил еще, никто ничего и не видел.

– Так надо, тетя Зоя, – умиротворяюще улыбнулся я, продвигаясь к лестнице, ведущей наверх, к гримуборным. – Милиции виднее. Это они так распорядились.

– Я смотрю, ты здесь свой, – ухмыльнулся Иван, когда мы миновали один пролет.

Было в этих словах что-то презрительное, а может, мне просто так показалось, но тем не менее, стало обидно. Участковый-театрал. Нелепо, наверное. До сегодняшнего дня эта мысль мне в голову не приходила. И до сегодняшнего дня мне не приходилось стесняться своей, пусть и косвенной, но причастности к этому миру сцены и кулис. Что ж, как говорится, все когда-то случается в первый раз.

– Так вышло, – коротко ответил я, не вдаваясь в пространные объяснения. Весь сегодняшний ресурс длинных реплик был уже израсходован на мамулю во время ее панических телефонных звонков.

– Тогда подскажи, с кого лучше начать, – попросил Иван.

Впрочем, просьбой его слова можно было считать чисто условно, они куда больше напоминали требование, если вообще не приказ. Ну да, все правильно, на месте происшествия главный – следователь, ему подчиняются оперативники, а все прочие милицейские деятели у них на побегушках.

– Я бы посоветовал начать с хора, они все одеваются в одной большой уборной, разделенной пополам, справа мужчины, слева женщины. Зайдешь, задашь вопрос, получишь ответ – и половина свидетелей, считай, опрошена. Если согласен, иди к хористам, вон та дверь в конце коридора, видишь? А я пойду по солистам. Они люди капризные, нервные, их нужно побыстрее отпустить.

Иван молча кивнул и направился в конец длинного коридора, а я быстро пошел к папиной примерке. Едва я открыл дверь, на меня обрушился шквал вопросов, задаваемых разными голосами и с разной интонацией.

– Игорь, что случилось?

– В чем дело?

– Да что происходит, черт возьми?

– Игорь, почему нас не выпускают?

Народу в комнате заметно прибавилось, вероятно, сообщение директора театра Дмитрия Евгеньевича заставило людей собираться в группы и обмениваться информацией, которой ни у кого, по сути, не было. Но инстинкт утоления информационного голода, как известно, один из самых сильных, бороться с ним очень трудно, и в подобной ситуации, когда происходит что-то непонятное, люди, вполне естественно, ищут общения с теми, с кем можно поговорить и пообсуждать проблему. Помимо моих родителей, их друзей, заезжего режиссера и папиного продюсера, я обнаружил в просторной уборной дирижера, а также двух вокалистов: баса, исполнявшего партию Рюица (с ним папа когда-то учился в консерватории), и меццо-сопрано, певшую Азучену, с которой этого баса, по маминым уверениям, связывали весьма романтические отношения. Был здесь и сам директор театра, решивший, видимо, не оставлять двух своих почетных гостей, папу и Вернера Фрая, в столь сложный момент.

Но первой ко мне, само собой, бросилась мама.

– Игорь, в чем дело? Почему ты не отвечаешь на звонки? – требовательно спросила она, глядя на меня тревожными глазами.

Я крепко обнял ее, поцеловал в щеку.

– Извини. Господа! – я повысил голос, чтобы перекрыть испуганных и взволнованных людей. – Случилось несчастье, возле театра убиты два человека, мужчина и женщина. Женщина была на спектакле, мужчина ее встречал. У меня только один вопрос, я сейчас его задам, вы мне быстренько ответите, и можете быть свободными. Кому-нибудь из вас знакомо имя Аллы Сороченко? Или Николая Кузнецова?

Как писал кто-то из классиков, «молчание было ему ответом». Я переводил взгляд с одного лица на другое, но кроме ужаса и растерянности не видел ничего. Артисты – натуры тонкие, их поклонники, как правило, тоже, и сообщение о чьей-то смерти, тем паче на пороге святая святых – театра, может надолго выбить их из колеи.

– Повторяю еще раз: кто-нибудь знает Аллу Сороченко или Николая Кузнецова? Господа, это премьера, мы все понимаем, что больше половины зрителей – гости участников спектакля, из оставшейся половины три четверти – люди, причастные к искусству, театроведы, критики, музыканты. Среди зрителей на премьере трудно найти человека, которого не знал бы хоть кто-нибудь из артистов, персонала или дирекции. Я задаю свой вопрос не потому, что милиция подозревает кого-то из вас, а только лишь потому, что нужно постараться собрать хоть какие-то первоначальные сведения об убитых, чтобы наметить направления поисков преступника. Тот же самый вопрос я буду задавать по очереди всем артистам и музыкантам оркестра, а потом всем остальным работникам театра, включая костюмеров и гримеров, сотрудников бутафорского цеха и рабочих сцены. Мне нужно найти человека, который пригласил убитую Аллу Сороченко на спектакль, не более того. Или, что тоже возможно, кто-то пригласил Николая Кузнецова, а он отдал свой билет Сороченко, потому что не мог или не хотел идти на спектакль.

Я зря старался, пытаюсь быть красноречивым и внятным. Мини-толпа в гримерке заволновалась еще больше и вместо того, чтобы отвечать мне на мой вопрос, присутствующие начали громко обсуждать проблему между собой. Понадобилось несколько минут, чтобы навести в этом гвалте относительный порядок и получить окончательный ответ: нет. Никто из находящихся в данной комнате не приглашал на спектакль ни Аллу Сороченко, ни Николая Кузнецова, и имен таких они сроду не слыхали, и людей таких они знать не знают. Единственным, кто сохранил остатки чувства юмора, оказался папин продюсер Николай Львович, который к своему твердому «нет» добавил:

– Правда, в Великую Отечественную был такой знаменитый разведчик, Николай Кузнецов. А еще есть Анатолий Кузнецов и Юрий Кузнецов, они в кино снимаются. Больше я людей с такой фамилией не знаю.

Шутка получилось плоской, но и ее хватило, чтобы люди хоть чуть-чуть расслабились. Вместо того, чтобы обсуждать личность убитых, все тут же переключилось на бурный обмен мнениями о «Белом солнце пустыни», где главную роль сыграл Анатолий Кузнецов, и сериале «Менты», где играет Кузнецов Юрий. Ну артисты... Одно слово: артисты!

Я вежливо попрощался и собрался было идти дальше, на мне оставались еще тенор-Манрико, сопрано-Леонора и меццо-Инес, но мама снова оказалась рядом и схватила меня за руку:

– Егорушка, ты должен остаться на минутку, папа хочет с тобой поговорить.

– Он знает кого-то из погибших? – обрадовался я неожиданной удаче.

– Нет, не в этом дело. Он хочет что-то тебе сказать. Подожди, сейчас все выйдут, и вы поговорите.

– Мамуль, мне нужно работать, опрашивать людей. Давай мы с ним попозже поговорим, ладно?

– Егор, но папа просит! – возмущенно зашептала она.

Я оглянулся в надежде увидеть «папу, который просит». Хотел бы я посмотреть на это зрелище. Папа в мою сторону не смотрел, он целовал ручку маминой подруге и, судя по выражению их лиц, они договаривались увидеться на банкете. Остальные члены высокого собрания торопливо просачивались в коридор, обрадованные разрешением покинуть здание. У

меня возникло небезосновательное подозрение, что мамуля успела провести подготовительную работу к освобождению плацдарма для душевного разговора отца с сыном, уж больно организованно и споро пустело помещение гримуборной.

– Мама, я сейчас займусь делом, а когда освобожусь, приеду в ресторан, хорошо? – решительно заявил я. – Произошло убийство, это вещь серьезная и не терпит промедления.

– А разговор с папой – это что, несерьезно, по-твоему?

– В данной ситуации это серьезно только в одном случае: если он знает что-нибудь об убийстве. Если нет, то все остальное вполне может подождать до банкета, а то и до завтра. Он что-нибудь знает? – строго спросил я.

– Нет, но...

– Тогда я пошел. Передай папе мои извинения.

Я слишком долго разбирался с мамулей и потерял время. Все успели выйти, остались только мои родители.

– Егор, подойди сюда! – властно скомандовал папа.

Спектакль был позади, на сегодняшний день связки можно было больше не беречь, и мне посчастливилось услышать все богатство модуляций и красок знаменитого баритона.

– Пап, давай потом, а? – жалко пробормотал я. – Время поджигает, люди не могут уйти, пока милиция им не разрешит, и чтобы их отпустить, нужно их сперва опросить.

– Так ты что, всерьез собрался ходить по театру и задавать свои чудовищные вопросы?

Я оторопел. С каких это пор подобного рода вопросы стали считаться чудовищными? Идет обычная работа, первоначальный сбор информации по делу об убийстве, и ничего чудовищного в этом сроду не было.

– Да, собрался, – спокойно ответил я, даже не подозревая, какая буря вот-вот готова обрушиться на мою несчастную голову. – А в чем дело?

– Ты не посмеешь, – категорично заявил отец. – Я запрещаю тебе этим заниматься.

Вот это фокус! Чего-чего, а уж такого я не ожидал. Как это можно запретить работнику милиции заниматься его прямыми обязанностями? Конечно, запретить может начальник, это в порядке вещей, но чтобы родной отец... Чудеса, право слово.

– Папа, я, кажется, чего-то не понимаю...

– Да, ты не понимаешь! – загремел знаменитый «бархатный» баритон. – Ты не понимаешь, что на карту поставлена моя репутация, которую я зарабатывал собственным горбом, а ты собираешься ее разрушить.

– Каким образом? При чем тут твоя репутация?

Мама деликатно отошла в сторонку и уселась на краешек стула, дабы не мешать воспитательному процессу. Интересно, она знала, о чем папа собирался со мной поговорить?

– Ты – никудышный милиционер, ты не профессионал, ты не смог подняться выше какого-то идиотского участкового, ты ничего не знаешь и ничего не умеешь, мне стыдно за тебя! Ты отнял у меня главную радость любого мужчины – право гордиться своим сыном! Но это было мое горе, мое личное горе, и я переживал его в одиночку. А теперь ты хочешь, чтобы все вокруг узнали, какой у меня сын?

Н-да, я оказался прав, этого я действительно не понимал. Неужели я такой тупой?

– Я не понимаю, каким образом моя работа на месте происшествия может тебя скомпрометировать. Что я могу сделать такого, за что тебе потом будет стыдно?

– Да все, все ты сделаешь не так! Ты будешь вести себя как последний дурак, ты будешь задавать людям дурацкие вопросы, ты будешь выглядеть полным идиотом, и все станут надо мной смеяться и говорить: подумать только, какой тупой и никчемный сын у Владимира Дорошина! Как жаль человека, такой достойный артист, такой замечательный певец, – и такой неудачный ребенок. Я этого не допущу! Я не допущу, чтобы меня жалели, потому что я не смог вырастить достойного сына. И я не желаю, чтобы ты меня позорил, чтобы люди смеялись над

тобой и надо мной. Ты немедленно одеваешься и едешь вместе со всеми в ресторан! И больше к театру на пушечный выстрел не подходишь! Ты меня слышишь?

Впервые в жизни я слышал, чтобы отец так кричал...

Со слухом у меня все в порядке, даже критично настроенная мамуля всегда признавала, что слышу я хорошо. Но, вероятно, у меня не все в порядке в голове, потому что признать правоту отца я не мог. Может, я и вправду тупой? Я бросил взгляд на маму, которая по-прежнему сидела на краешке стула с абсолютно прямой спиной и отсутствующим выражением лица, и я так и не смог понять, разделяет она папины идеи или нет. Всю жизнь она самоустранялась, если папенька начинал меня воспитывать, и я никогда не знал, согласна она с его чувствами и методами или нет. Я знал одно: она слишком сильно любила папу, чтобы подвергать его авторитет сомнению в глазах ребенка, поэтому что бы он ни говорил или ни делал в отношении меня, мама не вмешивалась. По крайней мере, в моем присутствии. Вероятно, в ее концепцию правильных отношений «отец, мать и сын» вполне вписывалась возможность называть меня тупым и никчемным, во всяком случае она папу не осекла и защищать меня не кинулась. Забавно. Вот так в экстремальных ситуациях и вылезает наружу истинное мнение о тебе других людей. Не могу сказать, что такое мнение меня порадовало. Да, я всегда знал, что родители считают меня неудачным ребенком, но мне и в голову не приходило, что они при этом считают меня тупым, никчемным неумехой, не сделавшим карьеру из-за плохо устроенных мозгов. Я знал, что им не нравится выбранная мною профессия, что они не одобряют мою работу, но только сейчас я услышал, что я их позорю, что они, оказывается, стесняются меня, как стесняются родственников-алкоголиков или воров. Стыдятся, одним словом. Какой кошмар! Пожалуй, даже Кошмарище.

– Папа, с чего ты взял, что я буду вести себя непрофессионально? С чего ты взял, что я не умею делать свою работу? Откуда у тебя такое мнение? Что ты вообще знаешь о моей работе?

– Я знаю, что ты имеешь дело исключительно с отбросами общества, – безапелляционно заявил он. – Может быть, ты и умеешь разговаривать с бродягами и алкашами, но я не могу допустить, чтобы ты со своими методами совался к приличным людям. Все, Егор, разговор окончен. Ты берешь пальто и уходишь отсюда вместе с нами. И больше ни к кому из артистов и работников театра со своими вопросами не подходишь. Я ясно выразился?

– Вполне, – покладисто ответил я. – Ты очень хорошо излагаешь, и я очень хорошо тебя понял.

– Ну вот и ладно, – папа слегка сбавил тон и послал в мамину сторону торжествующий взгляд, мол, вот видишь, а ты боялась, что я не смогу его убедить.

Я взял с вешалки свое пальто и пошел к двери.

– Если успею, приеду в ресторан. Не ждите меня.

С этими словами я вышел в коридор и направился в гримерку к тенору. Почему-то в этот момент мне было очень жалко маму...

Виртуальная переписка

Одалиска – Морю. 27 декабря 2003 года

Дорогая Море!

Не могу и не хочу больше врать тебе и прикидываться благополучной. Ты меня прости за то, что столько времени писала тебе неправду. Я все время говорила, что у меня замечательный муж и мы живем с ним душа в душу, и я купаюсь в богатстве и ни в чем не нуждаюсь, и вообще я в полном шоколаде. Знаешь, сначала так и было, когда мы поженились, я получила все, о чем мечтала: шубку из песца, шикарный дом, денег не считала. И так было классно! Когда я забеременела, Костик так радовался, и мне казалось, он хочет ребенка не меньше, чем я сама. Короче, все было тип-топчик. А потом постепенно вся эта благодать превратилась в клетку, в которой меня заперли. Я даже домой к родителям не могу съездить, Костик не пускает, а сама я не выберусь, тем более с ребенком на руках, здесь же никакого транспорта нет, а на такси нужны деньги, которых у меня нет. Костик дает только на то, на что считает нужным. И маму к себе не могу вызвать, Костя не разрешает, нечего, мол, ей здесь делать. Даже не могу понять, как я пришла к такой жизни. Наверное, все случилось не сразу, не в один момент, а постепенно, но я не замечала, а спохватилась только теперь, когда... Нет, я опять вру. Вру, чтобы ты не обижалась, что я до сих пор писала тебе неправду. Я спохватилась уже давно, года полтора назад, может, поэтому и стала с тобой переписываться и в письмах делать вид, что все отлично. Надо же было как-то справляться... Мне и посоветоваться не с кем, живу здесь как в тюрьме, подружки все дома остались, а новыми обзавестись негде. Вот и получается, что ты, Морюшко, стала моей единственной подругой. Как хорошо, что мы с тобой познакомились в чате и начали переписываться, а то я бы тут с ума сошла от одиночества. Жалко, что я тебя никогда не видела. Может, пришлешь фотку? Хоть посмотрю на тебя. Если хочешь, pošлю тебе свою рожицу.

Ну вот, теперь самое главное. Костик уехал. Ты представляешь? На носу Новый год, у нас билеты куплены в Арабские Эмираты, мы должны были втроем с дочкой завтра улетать на две недели. Дашенька так радовалась, она же совсем маленькая, и для нее пляж и теплое море посреди зимы – настоящее чудо. Мы уже чемоданы почти собрали, а он сегодня утром заявил: извини, но мы никуда не летим, мне нужно срочно уезжать. Постараюсь к Новому году вернуться, но не обещаю. И уехал. Ну, как тебе это нравится? Дашка в рев, я тоже. Разоралась, конечно, требовала, чтобы он объяснил, что это за срочность такая и что за дела вообще, а он молча собрался, сел в машину и уехал. Если до сегодняшнего дня я думала, что он ко мне относится вроде как к наложнице в гареме, то есть как пусть к бесправному, но все-таки живому существу, поэтому я и ник себе придумала – Одалиска, женщина из гарема, то теперь я чувствую, что я для него просто вещь, которой можно попользоваться, когда нужно, и можно сунуть в шкаф и забыть о ней, если нет надобности.

Морюшко, милая моя, посоветуй, как мне быть. Может, пока его нет, продать что-нибудь из вещей и на эти деньги уехать домой? Я имею в виду

– насовсем уехать. Бросить его, взять Дашку и вернуться к родителям. Тех денег, что он оставил мне на жизнь, на билеты не хватит, а на продукты он деньги оставляет водителю, который ездит в магазин без меня. Черт, я только теперь начинаю понимать, какая я на самом деле беспомощная. И как я до этого докатилась? Ведь была же нормальной девчонкой, как все.

Ответь мне, Море, посоветуй что-нибудь, ты же такая рассудительная. И пришли фотографию, ладно? Странно, что мне до сих пор не было интересно, как ты выглядишь. Посылаю тебе самую любимую фотографию, на ней мы с Костей и Дашенькой в прошлом году, к нам на его день рождения приезжали Костины друзья. Я на ней такая счастливая!

*Целую тебя,
твоя Одалиска*

Море – Одалиске, 29 декабря 2003 года.

Милая Одалиска!

Ты меня прямо ошарашила... Прости, что не сразу отвечаю, перед концом года всегда много работы, закрутилась.

Не чувствуй себя виноватой за то, что писала мне неправду. Знаешь, в чем прелесть виртуального общения с незнакомыми людьми? В том, что можно писать чистую, неприкрытую правду и не бояться, что тебя будут совестить и упрекать, ведь с человеком, которому твоя правда не понравится, можно просто перестать общаться. С живыми людьми так не получается, вот и лжем направо и налево, чтобы не испортить отношения или впечатление о себе, ведь с этими людьми нам и дальше нужно как-то существовать. А можно и наоборот, наврать о себе с три короба, сочинить несуществующую жизнь и не бояться, что тебя разоблачат. Соблазн так велик, что очень немногим удается удержаться от него. Так что я тебя не виню, все нормально. Ведь не зря же мы с тобой переписываемся уже столько времени, а до сих пор не знаем настоящих имен, ни ты моего, ни я – твоего. Подписываемся по-прежнему теми же никами, которыми пользовались в чате «Сериалы», где мы с тобой познакомились. Слушай, какой ужас, а? Вот что значит служебная атмосфера, сижу в офисе (у меня сейчас обед, но я на диете, хочу к Новому году сбросить пару килограммов, а то в платье не влезу) и под воздействием обстановки формулирую свои мысли так, словно служебный документ пишу: все подробно, с указанием деталей, как в докладной записке руководству. Можно подумать, ты не помнишь, где мы с тобой познакомились и какими никами подписываемся. Цирк!

Но хорошо, что ты мне сказала правду. Знаешь, почему? Ты, кажется, готова натворить глупостей, и мне хотелось бы удержать тебя от опрометчивых шагов. Выбрось из головы немедленно мысль о том, что нужно собрать вещи и уехать с дочкой к родителям. Это полная чушь, и забудь о ней раз и навсегда. Твой муж, насколько я понимаю, зарабатывает более чем прилично, а просто так деньги сегодня никому не платят. За хорошие деньги нужно хорошо и много работать, и если работа требует отложить отпуск – его откладывают, не задумываясь. Так происходит у всех и всегда, поверь мне, я ведь тоже так работаю и уже забыла, когда последний раз по-человечески отдыхала. Обычно такие ситуации возникают именно перед праздниками, особенно если

намечаются несколько выходных дней или длинные каникулы. Ты понимаешь, что если вопрос не решить немедленно, то он зависнет уже надолго и всерьез и после праздников может уже решиться совсем не так, как нужно, или не решиться совсем. Тебе просто колоссально повезло, что за все годы вашей совместной жизни с Костей такого не случилось, при нормальном ходе вещей такое происходит два-три раза в год. Только соберешься, закажешь отель, забронируешь билеты, раскидаешь все неотложные дела – и на тебе! Все отменяется, гипс снимают, клиент уезжает. Это первое.

Теперь второе. Он не считал нужным сказать тебе, куда едет и по каким таким срочным делам. А почему он должен был тебе это объяснять? Ты что, полностью в курсе его служебных дел? Ты знаешь имена его начальников и коллег, знаешь, кто из них чем занимается, чем живет-дышит, ты знаешь, что конкретно твой муж делает на работе, какие у него повседневные служебные проблемы и заботы, что у него получается, а что не получается совсем? Если да, тогда действительно странно, что он не объяснил тебе, куда и зачем уезжает. Но если нет, то твои претензии, милая моя Одалисочка, совершенно необоснованы. Это ему нужно было бы взять отгул, сесть рядом с тобой на целый день и подробно объяснять, что и как он делает и почему нужно срочно сделать то-то и то-то, иначе наступят такие-то и такие-то неблагоприятные последствия. А у него, насколько я поняла из твоего письма, времени было в обрез. И то мои слова справедливы только в том случае, если у вас вообще принято все обсуждать и объяснять. А у вас, судя по твоим письмам, это совсем не принято. Твой Костя и раньше с тобой служебными проблемами не делился, поэтому ему и сейчас не пришло в голову это сделать. Не вздумай на него за это сердиться, такой порядок существовал много лет, и если ты не бунтовала, у твоего мужа были все основания считать, что тебя это устраивает. Он не мог и не должен был предвидеть, что именно сегодня тебя это не устроит. Это второе.

Да, тебя не устраивает та ситуация, в которой ты оказалась. И что? Ты хочешь перевалить свою проблему на родителей, которые живут отнюдь не в таком достатке, как ты сейчас? Кстати, твой Константин разрешает тебе посылать им деньги? Ты никогда об этом не упоминала. Но в любом случае, ты собираешься свалиться на них с ребенком. И на что вы будете жить? Ты родом из далекого маленького городка, рабочих мест там наверняка не в избытке, а дефицитной профессии у тебя в руках нет. Ты что же, полагаешь, что мама с папой обязаны кормить тебя и твоего ребенка? Нет, они, конечно же, не откажут и не выгонят тебя, они тебя очень любят и будут рады тебя видеть, я в этом уверена, но тебе самой-то не будет стыдно? Это третье.

Одалиска, немедленно возьми себя в руки и прекрати истерику, слышишь? Твой муж из кожи вон лезет, чтобы обеспечить тебе и вашей дочке достойный уровень существования, чтобы у тебя был просторный красивый дом, чтобы у Дашеньки были самые лучшие игрушки, чтобы вы могли посреди зимы увидеть пляж и теплое море. Господи, я так люблю море, я готова часами из него не вылезать, когда попадаю на юг, а уж теплое море зимой – это вообще что-то, мне пока ни разу не удалось это пережить, но я точно знаю, что у меня все получится, пусть не сейчас, и даже не через год, но все равно получится. Я смотрю на фотографию, которую ты мне прислала, и радуюсь, что у тебя все так здорово! Симпатичный муж, очаровательная девочка, а сама ты просто красавица – глаз не оторвать! И участок у вас приличный, соток тридцать, наверное, да? Там на фотографии видны сосны и даже пара елочек, и я готова

голову дать на отсечение, что по деревьям хоть одна белочка да бегает. Ты даже не понимаешь, как у тебя все хорошо. И брось дурью маяться. Костя любит тебя и ребенка, старается для вас, а отпуск – ну что ж, не сейчас – так в другой раз съездите, ты же не последнюю неделю на свете живешь. Кстати, ты елку-то нарядила или забыла, ударившись в рев? Ты только подумай, как это замечательно: иметь возможность нарядить елку на собственном участке, на улице, когда кругом лежит настоящий снег, а не вата. Придумай что-нибудь веселое на Новый год, чтобы Даше было не скучно, разведите костер перед домом, пожарьте шашлычки, попрыгайте вокруг нарядной елки, забудьте все обиды и постарайтесь чувствовать себя счастливыми.

Одалисочка, родная моя, я понимаю, что не такого письма ты от меня ждала. Тебе нужны были от меня слезы и сопли, причитания по поводу того, какой твой Костик негодяй и какая ты несчастная. Знаешь, я не намного старше тебя, если судить по твоей фотографии, и жизненного опыта у меня, наверное, тоже не сильно больше, поэтому я не берусь учить тебя жизни. Но я – финансовый аналитик, работаю в банке, ты это знаешь, и я привыкла все раскладывать по полочкам, прежде чем начинать переживать, и думать о последствиях, прежде чем что-то делать. Если тебе нужна моя помощь, то я ее тебе оказываю. Если тебе нужны причитания, то извини, милая, но это только после праздников, когда я расслаблюсь, рассироплюсь, пущу пузыри, пролежав три дня на диване и просмотрев подряд несколько сериалов, и буду способна на чисто бабское восприятие мира. Между прочим, я запаслась к праздникам несколькими сериалами на кассетах, которые не смогла посмотреть по телевизору. Ты мне о них писала, и вот теперь я их посмотрю сама и тогда буду обсуждать их с тобой со знанием дела.

Свою фотографию пока не посылаю. Знаешь, я что-то закомплексовала, ты такая красивая, оказывается... Гляжу на свои снимки и понимаю, что рядом с тобой буду выглядеть совсем-совсем не фонтанно. У меня внешность самая рядовая, ничего особенного, но мне почему-то хочется тебе понравиться, поэтому в праздники, когда будет свободное время, пороюсь дома в поисках самой приличной фотографии. Ну вот, а я-то считала, что в рабочей запарке из меня ушло все бабское. Оказывается, кое-что еще осталось.

Все, зайка моя, бегу, дела. Целую тебя крепко, не вешай нос и как следует подумай над тем, что я сказала.

Море

Одалиска – Морю, 31 декабря 2003 года.

Милое Море!

С Новым годом тебя! Спасибо тебе за письмо. Я даже не ожидала, что можно так относиться к тому, что со мной случилось. У меня голова как-то не так устроена, как у тебя, и мысли складываются совсем другие. Ты очень умная, Морюшко мое дорогое. И какая бы ни была у тебя внешность, ты для меня всегда будешь самой-самой красивой на свете.

Костик пока не вернулся, и я чувствую, что Новогоднюю ночь буду коротать вдвоем с Дашкой. Хоть бы позвонил, урод!

Желаю тебе счастья и спокойных выходных. Когда часы буду бить полночь, я представлю себе, что ты рядом со мной, и буду чокаяться с тобой шампанским.

Твоя Одалиска

Море – Одалиске, 31 декабря 2003 года

Одалисочка!

И тебя с Новым годом! Оставь все черные мысли в старом году, перестань сердиться на Константина и с радостью смотри в будущее. У тебя есть все, чтобы быть счастливой, так будь ею! Это и мое пожелание к Новому году, и приказ подруги. И когда часы будут бить двенадцать, думай не обо мне, а о муже, и представляй себе, что он рядом, и мысленно чокайся с ним и пожелай ему удачи и радости. Ему там несладко в Новогоднюю ночь, в чужом месте, среди чужих людей, ему одиноко, он скучает по тебе и по Дашеньке, так посочувствуй ему и окажи моральную поддержку. Думай о нем с нежностью и любовью, и он обязательно это почувствует. Еще раз с Новым годом!

Море

Одалиска – Морю, 3 января 2004 года.

Море, привет!

Костя сегодня приехал. Такой виноватый, прямо ужас, смотреть больно. Он очень расстроен, что оставил нас на Новый год одних, приволок кучу подарков мне и Дашуне. Говорит, что очень хотел вернуться, и в принципе должен был вернуться, днем 31 декабря он уже сидел в аэропорту, ждал посадку на рейс и был уверен, что при всех пересадках успеет домой к полуночи. Но из-за погодных условий аэропорт, где он сидел, не выпускал и не принимал ни одного рейса. И якобы наш аэропорт тоже не принимал. И так двое суток. В результате он перестал ждать, сдал билет и поехал на поезде. Не знаю, Море, верить ему или нет. И хочется верить, и в то же время дурацкая какая-то ситуация, прямо как в наших с тобой любимых сериалах. Мне все-таки кажется, что он врет. Знаешь почему? Я случайно подслушала, как он по телефону кому-то рассказывал: «Сука, денег не взяла, морду воротит, будто она аристократка гребаная, а сама живет как нищая, меня выгнала, даже разговаривать не стала». Ты представляешь? Он ездил не по работе, а к какой-то женщине, наверное, к своей любовнице, с которой он недавно поссорился и решил перед Новым годом помириться. Поперся на край света, повез ей подарок, а она его выгнала и мириться не стала, поэтому он и вернулся такой расстроенный. То есть не потому расстроенный, что не успел к нам на Новый год, а потому, что она ему дала от ворот поворот. Море, он мне изменяет. Господи, что мне делать? В голове каша какая-то, сумбур, то мне кажется, что я хочу ему поверить и разговоры об этой женщине действительно не связаны с его изменой, то я чувствую, что совсем не верю ему. Он все врет про самолеты и про то, что хотел встретить Новый год дома, он с самого начала знал, что будет встречать праздник с ней, с этой сучкой.

Что делать, Моречко?
Одалиска

Море – Одалиске, 4 января 2004 года.

Здравствуй, Одалиска!

Приходится повторяться: возьми себя в руки и не паникуй раньше времени. Я понимаю, что если ты подслушала его слова о женщине, то трудно уверять себя, будто речь шла о мужчине. Давай будем исходить из того, что Константин действительно говорил о какой-то женщине. Варианта у нас с тобой три. Первый: это и в самом деле его любовница. Второй: это его давняя знакомая, отношения с которой давно перестали быть романтическими, и он тебе с ней не изменяет, во всяком случае сейчас. И третье: это какое-то служебное дело. Может быть, ей нужно было просто сунуть взятку, чтобы решить вопрос, а она ее не взяла. Как видишь, оснований для ревности у тебя всего-навсего 33 с небольшим процента. А 33 это все-таки не 100.

Но если появляются сомнения, то их надо рассеивать по мере возможности. У меня, например, есть возможность узнать насчет задержанных рейсов. Если ты мне скажешь, куда он летал, то я все выясню. Хочешь?

*Целую тебя,
Море*

Одалиска – Морю, 4 января 2004 года.

Моречко, роднуса моя, я понятия не имею, в какой город он летал и вообще в какую сторону. Но вылетал он из нашего областного центра, других аэропортов у нас поблизости просто нет. А вернулся поездом. По крайней мере, он так говорит. Я уже не знаю, верить ему или нет.

Твоя Одалиска

Море – Одалиске, 5 января 2004 года.

Одалиска, можешь не волноваться и спать спокойно. Я все узнала. 30 и 31 декабря вплоть до середины дня 1 января аэропорт в вашем областном центре не принял ни одного рейса, там был страшный туман и нулевая видимость, самолет посадить невозможно. Так что твой Костик тебя не обманывает. Правда, здорово? Вздохни с облегчением и радуйся жизни.

Зайка моя, ты все еще вся в переживаниях или уже можешь обсуждать самое насущное: наши с тобой любимые сериалы? Я тут за праздники насмотрелась до одури, каждый день по 10-12 серий, зато душой отдохнула и от рабочих проблем отвлеклась. Хочу поболтать с тобой о «Трех жизнях», обменяться впечатлениями. Хотя ты, наверное, многое подзабыла, ведь ты же смотришь фильмы тогда, когда их показывают по телеку, а это было, кажется, весной или даже прошлой зимой. А я вот только сейчас удосужилась. Ты как,

готова? У меня впереди еще два выходных дня, до Рождества, и есть время, чтобы писать подробно и не спеша. А потом снова начнется работа.

Целую, моя хорошая,

Море

Хан

Ему все время было больно. Вот уже три месяца он живет с этой болью, а она все не утихает, наоборот, с каждым днем делается все острее и невыносимее, потому что каждый новый день приносит новые мысли, новые мысли порождают новые страхи, а новые страхи рождают новую боль. И ничего он с этим сделать не может. Некоторое облегчение наступает лишь ночью, когда он просыпается и слышит рядом дыхание жены, протягивает руку, касается ее плеча или волос и знает: она здесь. А утром все начинается сначала. Хан уходит на работу и до самого вечера, пока Оксана не вернется домой, терзается своими страхами. Где она сейчас? Что делает? Сидит в своей конторе или встречается с ним, с Аркадием, бывшим мужем, отцом Мишки?

Уже конец рабочего дня, минут через двадцать, если ничего срочного не случится, можно запирать кабинет и идти домой, но Хан сидит за столом, тупо уставившись в разложенные бумаги, и не может преодолеть оцепенения, которое наваливается теперь все чаще и чаще. Он начал сам себя обманывать, придумывая предлоги, чтобы задержаться на службе, потому что пока он находится здесь, можно тешить себя слабой иллюзией покоя и привычного порядка, а как только он переступит порог квартиры и обнаружит, что Оксаны еще нет, снова навалятся страхи: вернется ли? Может быть, как раз сегодня у них все решится, Аркадий скажет какие-то важные слова, после которых она поймет, что продолжает любить бывшего мужа и хочет забрать сына и уйти к нему.

Он медленно перебирает листы сводок и отчетов, выключает компьютер, потом снова включает, курит, входит в базу данных и бессмысленно бродит по лесам и равнинам информации, пытаясь придумать, что бы такое поискать, чтобы создать видимость полезного дела. Дел на самом деле невпроворот, но делать их не хочется, мозги не настроены, и в то же время хочется чем-то занять голову, чтобы не думать о жене и об Аркадии. «Ты сам не знаешь, чего хочешь,» – сердито говорит себе Хан.

Звонок внутреннего телефона его радует. Даже если звонят из соседнего кабинета, чтобы узнать, не ушел ли он, и если на месте, то можно ли стрелкнуть у него пару сигарет, все равно это оттяжка, отсрочка от неминуемого возвращения в дом, который сегодня может оказаться пустым.

– Хан, хорошо, что не ушел, – слышится из трубки голос помощника начальника департамента. – Зайди к Григорию Ивановичу, он ждет.

Начальник департамента, которого подчиненные за глаза называли «дед Гришаня», засиживался на службе допоздна. Был он относительно молод для своего генеральского чина и высокой должности, всего-то сорок три года, чуть старше самого Хана, календарной выслуги у него насчитывалось двадцать шесть лет, но из этих двадцати шести добрый десяток он провел в зонах военных действий, в Афганистане и Чечне, так что согласно кадровым инструкциям выслуга у Григория Ивановича была весьма немаленькой.

– Сколько у меня выслуги, столько многие из вас не проживут, – любил ворчать он, за что и был прозван сначала просто «дедом», а потом «дедом Гришаней».

Невысокий, сухощавый, с реденькими седыми волосиками и глубокими морщинами, он и вправду в свои сорок три напоминал старичка. Думал он медленно и основательно, говорил неторопливо, и каждый вызов к нему, особенно в конце дня, означал, что раньше чем минут через сорок подчиненный из его кабинета не уйдет. Хана это вполне устраивало.

Он прошел по длинному, устланному красной ковровой дорожкой, коридору до лифта, спустился на этаж ниже и вошел в приемную. Помощник, который ему звонил, молодцеватый симпатичный майор, приветливо кивнул и сразу указал на дверь в кабинет генерала:

– Заходи, тебя ждут.

– Один? – поинтересовался Хан.

– Трое. Иди-иди, он только что опять спрашивал.

Значит, трое. И срочно. Это хорошо. Это означает, что вопрос серьезный. Если бы деду Гришане нужна была короткая справка или лаконичный ответ, он позвонил бы. Раз вызвал, стало быть, разговор долгий. Как раз то, что нужно.

Хан вошел к генералу, поздоровался и быстро огляделся. Из троих гостей незнакомым был только один, двоих других он знал, они работали в соседнем департаменте.

– Знакомьтесь, – представил его генерал тому третьему, незнакомому, – старший оперуполномоченный по особо важным делам подполковник Алекперов, Ханлар Керимович. Другая называют его Ханом, но это право надо заслужить.

«Продает товар купец,» – мелькнуло в голове Хана. Пришел человек, которому нужна информация. Уж чего-чего, а этого добра у Хана – хоть лопатой гребь, но генерал разбазаривать ее не любит, выдает по крупицам и так обставляет дело, будто бриллианты дарит.

– Ханлар Керимович, у тебя, кажется, есть кое-какие наметки по группировке Свешникова, – сделал аккуратный заход дед Гришаня, представив Хану гостя, который оказался майором из ФСБ.

– Есть, товарищ генерал, – кивнул Хан. – Правда, немного.

Это было чистой ложью. По группировке Дмитрия Свешникова информации у Хана было полно, но игры есть игры, и у их существуют определенные правила. Особенно когда речь идет о том, чтобы поделиться информацией не просто с соседним департаментом, а с другим ведомством, отношения с которым у МВД далеко не всегда строятся гладко.

Разговор пошел медленно, осторожно, будто наощупь. Но Хан никуда не спешил.

* * *

Когда он вернулся домой, Мишка воевал с инопланетянами на компьютере, а Оксана, свернувшись калачиком на диване, читала какой-то журнал. Хана охватила горячая волна радости: значит, не сегодня. Еще не сегодня. Ночью она будет лежать рядом с ним, и до утра можно ни о чем не волноваться. Если жена решит уйти, то это случится не раньше завтрашнего дня, а сегодня можно об этом не думать.

Но не думать не получалось. Боль то и дело выпрыгивала откуда-то из глубины и пронзала все тело раскаленной иглой.

– Как прошел день? – спросил Хан, стараясь казаться спокойным и миролюбивым.

– Как обычно. Я работала, Мишка с Аркадием ходили на какую-то выставку компьютерных игр. Аркадий купил ему кучу новых игрушек.

– Да уж я вижу, – усмехнулся Хан. – Одиннадцатый час, а парень не спит. Ему же в школу завтра.

– Завтра суббота, – напомнила Оксана, пряча улыбку. – Послушай, Хан, я понимаю, что тебе это неприятно, но Аркадий – Мишин отец, и чем больше они будут общаться, тем лучше.

– Они не общались пять лет, и ничего не случилось, мир не рухнул, – сердито возразил Хан. – Ты хочешь сказать, что все это время я был для Мишки плохим отцом?

– Хан, милый, ты – это ты, а отец – это отец, ну как же ты не понимаешь? Мишка отлично знает, что ты – мой второй муж, а Аркадий – его папа. Он ведь с самого начала называл тебя Ханом, а не папой. Когда Аркадий уехал, Мишке было восемь лет, он был уже совсем большим мальчиком и все понимал. Ешь, пожалуйста, и давай прекратим этот бессмысленный разговор, мы с тобой ведем его уже в тысячный раз. Ты же разумный интеллигентный человек, ты не можешь быть против того, чтобы ребенок общался со своим отцом.

– А ты не думала о том, что я могу быть против того, чтобы моя жена общалась со своим бывшим мужем? – вырвалось у Хана.

Он тут же пожалел, что не удержался. Не нужно было говорить, ох, не нужно. Все эти месяцы, с того момента, как Аркадий вернулся из Израиля, чтобы открыть в Москве филиал своей фирмы, Хан умело делал вид, что все в порядке, что он рад возвращению друга и ничего опасного для себя в его контактах с Оксаной не видит. И вот прорвалось...

Оксана отошла от плиты и медленно присела за стол напротив мужа.

– Хан, да ты никак ревнуешь? – удивленно и негромко протянула она. – Или мне показалось?

– Показалось. Ты меня не так поняла. Вспомни о моем восточном происхождении.

Он попытался отыграть назад, но получалось не очень ловко.

– При чем тут твое происхождение? Ты коренной москвич в третьем поколении. Ты поди и языка-то азербайджанского не знаешь.

– Ну, гены, как говорится, на помойку не выкинешь, – он вымученно улыбнулся жене. – Генетическая память и все такое. На востоке когда женщина становится чьей-то женой, другие мужчины перестают для нее существовать в принципе, а о том, чтобы встречаться с бывшим мужем, даже речь идти не может.

– Ешь, пожалуйста, остывает же все, – в голосе Оксаны явственно послышалась досада. – Между прочим, позволь тебе напомнить, что когда я была женой Аркадия, ты вовсе не возражал против того, чтобы я общалась с тобой. А когда он уезжал надолго по делам, ты иногда приглашал меня в театр или в ресторан, и иногда я эти приглашения принимала. Этот как, не противоречило твоим восточным принципам?

– Сравнила! Я приглашал тебя как жену друга, которую нужно опекать и немножко развлекать, чтобы не скучала, пока муж в отъезде. А по ресторанам с Аркадием ты ходишь, когда я в Москве, никуда не уехал. Есть разница?

– По-моему, никакой. Давай я снова все подогрею, это уже невозможно есть. Готовлю тебе, готовлю, а ты не ешь ничего. Черт знает что!

Она сердито забрала со стола тарелку с остывшей едой, переложила в стеклянную емкость и поставила разогреваться.

– Как это никакой? – не сдавался Хан, понимая, что шаг сделан, пусть и неверный, но обратного хода нет, и нужно идти вперед. – Когда я водил тебя в театры и на концерты, я на тебя не посягал как на женщину.

– Ну так и он не посягает, успокойся. И потом, Хан, ты лукавишь.

– В чем это, интересно?

– Ты на меня действительно не посягал, это верно, но ты меня любил. Любил и до того, как я вышла замуж за Аркадия, и после того, как я стала его женой. Ты сам это говорил.

Это было правдой. Хан любил ее так давно, что ему казалось – всегда. Всю жизнь, сколько он себя помнил, он любил только ее, Оксану. С того самого дня, когда она, первоклассница, села за одну парту с ним. Впрочем, возможно, он ошибался и в столь юном возрасте он ее еще не любил, это пришло позже, но теперь, в тридцать восемь лет, он уже не мог вспомнить точно, с какого момента понял, что влюбился. Знал одно: кроме Оксаны в его сердце никогда никого не было. В жизни его были другие девушки и женщины, и в его постели они были, но в сердце – никого, кроме нее, единственной.

– Да, говорил, – продолжал упираться Хан, – а вот ты говоришь, что между нашими с тобой встречами тогда и твоими встречами с Аркадием теперь нет никакой разницы. Это что же, надо понимать так, что он тоже тебя любит? Все еще любит? Или опять любит?

– Хан, ты невыносим, – вот теперь Оксана разозлилась всерьез. – Я, кажется, не давала тебе повода подозревать меня в нечестности. Чего ты от меня хочешь? Чтобы я своей волей отменила тот факт, что Аркадий – отец моего сына? Я не могу этого отменить, так есть и так оно останется. Мальчик будет встречаться со своим отцом столько, сколько нужно, и я слова не скажу против этого.

– Кому нужно? Кто это определяет? Твой Аркадий?

Ну вот, опять сорвалось. Не надо было говорить «твой», сказал бы просто «Аркадий», и все. Так нет же! Это коротенькое словечко «твой» подействовало на Оксану как удар хлыста. Зрачки ее сузились, отчего глаза стали казаться светлыми и холодными.

– Хан, пожалуйста, прошу тебя... Мы с тобой знаем друг друга всю жизнь. Ты любил меня, а я любила Аркадия и вышла за него замуж. Ты теперь собираешься поставить мне это в вину?

Всё. Он перешел дозволенные границы, непростительно утратил контроль над собой и над разговором, нужно немедленно отступить.

– Прости, Ксюша, – покаянно произнес он, – прости меня. Я несу какую-то ахинею. При чем тут моя любовь к тебе и твоя любовь к Аркадию? Сам не знаю, что на меня нашло. Просто я очень привязан к Мишке и мне больно при мысли о том, что вот появился Аркадий – и мальчик от меня отдаляется.

– Мальчик не от тебя отдаляется, а тянется к отцу, это не одно и то же, – заметила Оксана.

Голос ее стал заметно мягче, и Хан немного успокоился. Пусть разговор идет как угодно, только не выходит на тему его ревности.

Он всегда верил в магическую силу произнесенного слова. Когда Хан был еще пацаном, отец не раз говорил ему: «Не верь, сынок, когда тебе будут внушать, что мысль изреченная есть ложь. Это хорошо для глубоких философов, а я не философ, я – простой мент, и для меня сказанное слово – это тот крючок, уцепившись за который я могу размотать человека до последней косточки. Дайте мне слово, и я сделаю полноценное уголовное дело. Слово и дело связаны неразрывно, запомни это, сынок.» Отец, конечно же, кокетничал. Керим Алекперов был вовсе не таким уж простым ментом, он был великолепным следователем, признанным мастером допроса, он умел слышать Слово, делать из него выводы и в нужный момент вспоминать, возвращать к нему разговор и заставлять человека признаваться, если, разумеется, было в чем. Отец служил еще в те времена, когда фальсификация материалов уголовных дел не вошла в моду и не стала повсеместной практикой, он работал честно, и Хан хорошо помнил, как просыпался по ночам, выходил на кухню попить воды и видел отца, сидящего далеко за полночь с бумагами: он готовился к предстоящему допросу, он читал протоколы и искал те Слова, которые ему пригодятся.

И Хан вырос в уверенности, что пока Слово не произнесено, все еще можно поправить, переиначить, переиграть, но когда оно сказано – пути назад уже не будет. Больше всего на свете сейчас он боялся, что Оксана скажет: «Да, я все еще люблю Аркадия». До тех пор, пока она этого не сказала, еще есть надежда, но если скажет – конец. Это невозможно будет поправить, это нельзя будет отменить, это будет руководством к дальнейшим действиям. Если скажет – должна будет немедленно собрать вещи и уйти. Пока не сказала – еще может остаться с ним, с Ханом. Он не представлял, как такое может быть: сказать, что любит Аркадия, и остаться здесь. Может быть, она и в самом деле любит своего первого мужа, но хочет скрыть это от Хана и остаться. Пусть, пусть любит его, пусть все, что угодно, только бы не ушла. Только бы не произнесла страшное и необратимое Слово.

– Какие планы на выходные? – поинтересовался Хан, чтобы как-то сгладить возникшее напряжение.

– Аркадий хочет, чтобы мы с Мишей поехали с ним за город.

– Вы с Мишей?

Его снова охватил страх. Миша – это понятно, сын. Но зачем должна ехать Оксана?

– Он покупает дом, хочет, чтобы мы посмотрели. Если Аркадий будет там жить, то мне придется возить туда мальчика.

– И если ты скажешь, что дом тебе не нравится, он его не купит?

Хан с трудом сдерживался, чтобы не дать прорваться злости, и старался быть ироничным.

– Не знаю, – Оксана пожала плечами. – Скорее всего, он хочет, чтобы я убедилась, что Мишке там будет удобно, если он будет оставаться с отцом на несколько дней.

«Он покупает дом! Значит, он не собирается возвращаться в Израиль насовсем. Аркадий намерен здесь жить. Не настолько же он богат, чтобы покупать дом ради того, чтобы несколько недель в году жить в нем. Или настолько? Он хочет, чтобы Оксана этот дом увидела. Зачем? Чтобы захотела в нем жить? Чтобы поняла, в какой тесноте, в каком убожестве живет сейчас? Чтобы вернулась к нему?»

– Не знаю, имею ли я право давать тебе советы, но если поедешь, убедись, что тебе удобно будет привозить Мишу. И еще посмотри, как там с муниципальным транспортом, на тот случай, если ни ты, ни я не сможем туда поехать и мальчику придется добираться одному.

– Ой, хорошо, что ты подсказал, – благодарно улыбнулась жена, – я бы не сообразила. Ты прав, надо посмотреть, ходит ли туда электричка или какой-нибудь автобус и далеко ли станция.

– Не только это. Обрати внимание на дорогу от станции до дома. Хорошо ли освещена в темное время, идет вдоль домов или через лес, нет ли там магазинов, возле которых толкуются пьяные.

Хан очень старался забыть о ревности и оставаться профессионалом. В конце концов, безопасность мальчика куда важнее его уязвленных чувств.

– Если хочешь, я могу поехать с вами, – продолжал он, – все-таки у меня милицкий глаз, я быстрее увижу возможный источник опасности.

Сказал – и внутренне замер. В своем стремлении казаться уверенным, спокойным и великодушным он зашел слишком далеко. Если Оксана сейчас ответит: «Хочу, поехали вместе», все будет в порядке. А если нет? Если она скажет: «Не нужно, я прекрасно справлюсь сама», это будет означать, что при встрече с Аркадием муж окажется лишним. Зачем, ну зачем он предложил?

– Это было бы хорошо, – Оксана внимательно посмотрела на него, – но мне показалось...

– Что показалось?

– Мне показалось, что ты не очень-то стремишься встречаться с Аркадием.

– Глупости! Мы все – старые друзья, одноклассники, какие у меня могут быть с ним счеты? Ты же не изменяла ему со мной, ты ушла ко мне после того, как он тебя обманул и бросил. У нас друг к другу не может быть претензий. И потом, мы ведь встречались после того, как он вернулся, ты что, забыла?

– Нет, я помню. Но я видела, что тебе это не доставило удовольствия. Если ты поедешь с нами, ты просто-напросто испортишь себе выходной день.

«Ты поедешь с нами. Не „мы поедem вместе с тобой“, а „ты поедешь с нами“. Она едет с сыном и с Аркадием, а он, Хан, – с ними. Прилипла. Примазавшийся ненужный попутчик. Навязчивый советчик. Третий лишний. Правда, в данном случае – четвертый, но сути это не меняет.»

– Пожалуй, ты права, – Хан через силу выдавил из себя улыбку, – я, конечно, не собственник, но мне неприятно слышать, как Мишка называет Аркадия папой. Я за эти годы привык считать его своим сыном. Вот дурацкая отцовская ревность, да?

Всё переводить на Мишку, пусть Оксана думает, что его беспокоит только мальчик.

– Да нет, не дурацкая, что ты, – она поцеловала его, и Хан в эту секунду почти поверил в то, что ничего плохого не происходит. – Все понятно, все объяснимо. Любой мужчина на твоём месте чувствовал бы то же самое. Но давай не будем лукавить: тебя Миша папой никогда не называл, ты всегда был Ханом. Если он говорил «папа», то имелся в виду только Аркадий.

Зачем она это сказала? Почему? Хочет дать понять, что Аркадий в любом случае на первом месте, а он, Хан, на втором? Для кого? Только для Мишки? Или для нее тоже? Господи, ну почему он так цепляется к словам? Почему не может просто слушать, удерживая общую

нить разговора, и не вникать в мелочи? Откуда у него эта привычка? Впрочем, понятно, откуда. Из детства. От отца.

– Конечно, конечно, – рассеянно согласился он. – Я рад, что у Аркадия все складывается удачно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, дом, например. Если он его покупает, значит, с бизнесом все благополучно. И деньги есть, и партнеры в России нашлись. Ты не знаешь, он весь свой бизнес сюда переводит или только открывает филиал, а основная база остается в Израиле?

– Он хочет, чтобы официально головной офис считался израильским, а здесь были только филиалы, а на самом деле основной оборот будет целиком российским. Это позволит ему десять месяцев в году жить в России, а в Израиль только наведываться. Сейчас он подыскивает надежного толкового управляющего для тель-авивского офиса.

«Она полностью в курсе его дел. Он обсуждает свои проблемы с ней, делится, возможно, даже советуется. А я? Я не могу обсуждать с Оксаной свою работу и уж тем более не могу с ней советоваться. Сейчас она ближе к Аркадию, чем ко мне. Что же мне делать? Наш брак распадается прямо на глазах, и я ничего не могу предпринять. Он вернулся, он объявился, он хочет видаться с сыном, и я не имею ни морального, ни юридического права этому противиться. А на самом деле он пытается вернуть Оксану, и я ничего не могу с этим сделать. Он богатый и успешный, она прожила с ним десять лет и у них сын. А я небогатый и не настолько успешный, чтобы это могли замечать со стороны, я прожил с ней всего пять лет и у нас нет общих детей. И потом, его Оксана действительно любила, любила по-настоящему, а ко мне просто прислонилась в трудную минуту. Все козыри на руках у Аркадия, а у меня одни «шестерки». Эту партию мне не выиграть ни при каком раскладе.»

– Пойдем спать, Ксюша, поздно уже.

Спустя пятнадцать минут Хан лежал в постели и ждал, когда Оксана выйдет из душа. Если она войдет в спальню в халате с завязанным кушаком, это будет означать, что сегодня она к близости не расположена. Если жена не завязывает пояс, а придерживает полы руками, значит, она готова к любви. Так они договорились давно, еще пять лет назад, чтобы избежать напрасных ожиданий, разочарований и никому не нужных объяснений. У Хана тоже были свои «знаки»: если он ждал жену, выключив свет, то давал понять, что устал и хочет спать; в противном случае он лампу не выключал. Они были ровесниками, и период интереса к неумейной страсти в жизни обоих уже миновал, поэтому частенько случалось, что Оксана выходила в распахнутом халате, а в спальне было темно, или наоборот, Хан ждал жену при свете, а она выходила из ванной с туго завязанным поясом, или же оба они демонстрировали желание уснуть сразу. Но если свет горел, а халат был распахнут, то все происходящее было по-прежнему потрясающим, изысканным и приносящим бурную и разноцветную радость.

Хан прислушивался к доносящимся из ванной звукам и внутренне метался. С тех пор, как объявился Аркадий, он хотел обладать Оксаной постоянно, каждый день, потому что каждый день боялся, что она бросит его, и стремился хотя бы еще раз обнять ее, обнять в последний раз, пока все не закончилось. Он хотел ее до умопомрачения, несмотря на усталость, служебные неурядицы и постоянную душевную боль. И в то же время он боялся отказа. Вся его жизнь оказалась внезапно разделенной на период «до возвращения Аркадия» и период «после». В том, первом периоде в завязанном халатике жены не было ничего необычного или пугающего, они взрослые люди, миновавшие пик сексуальной активности и ценящие в браке душевную близость и дружбу, а секс рассматривают не более как приятное дополнение, которое совсем не обязательно должно быть частым. В нынешнем же периоде отказ был равносителен признанию в любви к бывшему мужу и в отсутствии интереса к нему, к Хану. Чтобы не получить отказ, он старался придумывать разные уловки. Можно было бы просто выключать лампу и делать вид, что спишь, но невозможно поступать так на протяжении трех месяцев. И Хан стал изворачиваться

ваться, то пытаюсь полунамеками прояснить ситуацию заранее, то возвращаясь с работы поздно ночью, то, в нарушение традиций, пропуская Оксану в ванную первой, для чего приходилось изобретать срочный телефонный звонок или недоделанное домашнее дело вроде сломанной кофеварки, которую ну просто совершенно необходимо немедленно починить. Во всех этих затеях главным было сделать так, чтобы Оксана подала свой знак первой, а уж если этот знак означал «да!», Хан готов был соответствовать. Но ему в нынешнем периоде невыносимо было даже представить, что он скажет «да», а жена ответит «нет». Раньше это было нормальным, но сейчас он почувствовал бы себя решительно и окончательно отвергнутым.

Эту странную задачку Хану приходилось решать каждый вечер. Сегодня как-то не нашлось предлога задержаться и пропустить Оксану вперед, да и состоявшийся за ужином разговор не способствовал предварительному прояснению позиций, и вот он лежит в постели, слушает доносящиеся из ванной звуки и судорожно принимает решение: выключить свет или оставить лампу у изголовья включенной. Выключить и сделать вид, что устал, и не увидеть, как Оксана входит в комнату в распахнутом халатике, и оставить ее разочарованной, и лишиться себя радости соединения с ней, может быть, в последний раз? Или не гасить свет и увидеть ее туго затянутый пояс и виноватую полуулыбку (она почему-то всегда выглядела виноватой, когда подавала знак «нет») и понять, что она его больше не хочет?

Он так ничего и не решил, и когда Оксана появилась на пороге спальни, Хан лежал с включенной лампой и закрытыми глазами. Ничего лучше он придумать не смог. Он хочет любви, но от усталости заснул, и теперь жена сама должна принять решение, будить его или нет.

«Какой я смелый и мужественный, – с горькой иронией думал Хан, лежа на спине с плотно закрытыми глазами и вслушиваясь в шорохи: вот Оксана идет по комнате, вот снимает халат и бросает его на кресло, вот открывает ящик комода и что-то ищет, потом задвигает ящик, откидывает одеяло и ложится рядом с ним. – Я – настоящий мужчина, зажимаюсь, засовываю голову в песок и отважно жду, когда женщина примет решение, которое я готов выполнить, каким бы оно ни оказалось. Неужели я на самом деле такой слабак? Или страх меня таким сделал?»

Почувствовав руку жены, скользнувшую по его груди, Хан радостно повернулся, крепко обнял ее и вдохнул тот особенный запах, который бывает только в одном месте – в теплой ямке, там, где шея переходит в плечо. Вместе с радостью его охватила невыносимая боль, но Хан ее почти не заметил. Радость в последнее время стала редкостью, а боль была постоянной, и он к ней привык.

Игорь Дорошин

На следующее утро я проснулся ни свет ни заря. Если верить будильнику, до подъема оставалось еще полтора часа. Наверное, я как-то громко открываю глаза, потому что стоило мне это сделать, как старик Ринго тут же запрыгнул мне на грудь и тихонько муркнул, дескать, чего лежишь просто так, иди сделай что-нибудь полезное. Под полезным подразумевалось приведение лоточков в санитарный порядок. Завтракать раньше восьми утра Ринго все равно не станет. Принципиальный.

Настроение у меня было – хуже некуда. Я не привык надеяться на чудеса, поэтому ни капли не расстроился, когда вчера после опроса людей в театре выяснилось, что никто убитую Аллу Сороченко не знал. Но это был как раз тот случай, когда отрицательный результат тоже является результатом. Ведь опера – жанр малопопулярный, и если зритель не является лицом приглашенным, то остается только три варианта: либо он приезжий, и ему хочется побывать в московском театре, все равно в каком, в какой есть билеты – в тот и пойдет; либо он специалист в данном виде искусства; либо он оперный фанат. Алла Сороченко, судя по московской прописке в паспорте, к первой категории не относилась, а принадлежность ее к двум вторым группам существенно сужала круг поисков источников информации о ней. Если говорить проще, то сведения о тайных сторонах жизни убитой женщины нужно искать не только в семейном кругу, но и в кругу ее знакомых, и вот этот последний круг оказался очерчен весьма и весьма четко.

Следователь, работавший на месте происшествия, моего присутствия почему-то не одобрил, и я благополучно отбыл, оказав оперативнику Ивану Хвyle посильную помощь и заслужив его скупую благодарность. Но слова, сказанные отцом, ранили меня, как выяснилось, куда больнее, чем мне показалось вначале. Знаете, так всегда бывает, когда ударишься: сперва боли не чувствуешь, только понимаешь, что ударился, а через какое-то время ушибленное место начинает болеть, опухать и вообще всячески напоминать о себе при каждом движении. С душой, похоже, происходит то же самое, что и с телом. Поэтому прощаясь с Иваном, я протянул ему свою визитку и сказал:

– Вот мои телефоны. Если почувствуешь, что я могу быть хоть чем-то полезен, обязательно звони.

Он взял визитную карточку, повертел в руках и с сомнением посмотрел на меня:

– Тебе это надо? Чужая головная боль...

– Надо, – твердо ответил я. – Вопрос принципа.

– Что, «палок» не хватает? Хочешь раскрытие заработать? – понимающе хмыкнул он.

«Палок», то есть отметок о моем участии в раскрытии преступлений, мне действительно не хватало, за что я регулярно бывал порот на начальственных разборках, но дело было, конечно, не в этом. Дело было в родителях и в их мнении обо мне. Вы, конечно, скажете, что в моем возрасте пора бы уже перестать что-то доказывать папе с мамой. Ну, не знаю, может, вы и правы... Но рана болела, и болела сильно. И лекарство от этой боли существует только одно.

Пока что лекарства у меня не было, и с той болью я лег вчера в постель, с ней же и проснулся. Надо ли говорить, что ни в какой ресторан я не поехал, вернулся домой около часа ночи, накормил зверей и забрался под одеяло. К моменту пробуждения боль не только не утихла, но стала еще сильнее. Вероятно, пока я спал, она размножилась простым делением, и если накануне боль охватывала только область головы и груди, то сегодня она расплзлась по всему телу до самых пяток. Я весь, от кончиков волос до пальцев на ногах состоял из обиды и пагубной идеи самообвинения. Ничего себе коктейльчик, а? С одной стороны, неприятно, что о тебе думают, будто ты тупой и никчемный, с другой – ужасно, что я заставил родителей, моих горячо любимых родителей, стыдиться меня. В общем, ничего хорошего.

Откинув одеяло, я сунул ноги в шлепанцы и поплелся на кухню. Рядом с Ринго, элегантно виляя задней частью, трусила Арина, которая сегодня, вопреки обыкновению, спала у меня в ногах. Она единственная из живущих со мной кошек реагировала на мое настроение, чувствовала, когда мне плохо, и считала своим кошачьим долгом меня лечить в меру собственных возможностей. Когда я болел или впадал в тоску, она постоянно терлась возле меня, вероятно, забирая отрицательную энергетику. Остальным бандитам было наплевать и на мое настроение, и на мое самочувствие. А сейчас мне было так хреново!

Разложив корм по мискам, я не пошел в душ, а уселся на кухне за стол. Почему-то не было сил двигаться. И когда это я успел устать? Мало спал, что ли? Так для меня это дело обычное.

Ринго сел возле миски и принял вид оскорбленного патриция, а вот Арина моментально смела кусочки сырого мяса, как будто ее неделю не кормили, удовлетворенно хрюкнула и запрыгнула ко мне на колени. Минут через пять подтянулись и остальные ребята, и кухню заполнило сладострастное чавканье, издаваемое Дружочком и Кармой: как большинство котов с плоскими мордочками, они не умели есть тихо. Арина тоже чавкала и причмокивала, когда питалась, но Дружочек и Карма были какими-то особенно громкими, в отличие от Ринго и Айсора, которые к экзотическим породам не относились, имели привычные европейскому глазу вытянутые морды и принимали пищу почти совсем неслышно. Господи, я так их люблю, моих котов! А мама называет их дурацкими. И работу мою она называет дурацкой. И жизнь мою, устроенную по моему собственному разумению, тоже называет дурацкой. Да, я знал, что я – неудачный сын, но не предполагал, что до такой степени.

Поскольку встал я на полтора часа раньше, чем нужно, на работу можно было не спешить, и я снова «впал». Если вчера в театре я «впадал» в непонимание маминой любви к папе, то сегодня я «впал» в свою обиду, как в грязный мутный пруд, в котором невозможно свободно и радостно плыть, а можно только бессмысленно болтаться, как известно что в проруби.

Я был музыкальным ребенком, что и немудрено при такой-то наследственности, а если добавить к наследственности еще и обстановку, в которой я рос, то путь мне был один: в музыканты. В три года меня посадили за рояль, до семи лет я занимался под руководством мамы, в семь меня отдали в музыкальную школу одновременно в классы скрипки и гитары. Музыку я любил, занимался с удовольствием, но самым любимым предметом у меня было сольфеджио: обладая превосходным слухом и чувством ритма, я писал диктанты легко, без единой ошибки и быстрее всех. Точно так же легко и безошибочно я пел с листа, дирижировал и без проблем овладевал многоголосием. В восемь лет я сочинил первую свою песенку, в десять – романс, в двенадцать – сонату для скрипки и фортепиано, очень детскую, наивную, но родители ужасно радовались моим успехам и гордились мной. Было совершенно очевидно, что я стану композитором, ведь сочинять музыку мне нравилось куда больше, чем исполнять написанное другими. До четырнадцати лет я и сам свято верил в свое композиторское будущее, но в четырнадцать, в один прекрасный день, я услышал знаменитую композицию «July morning» и пропал. То есть пропал в самом буквальном смысле. Я понял, что если и буду сочинять музыку, то только такую, а никакую не инструментальную, не симфоническую и не оперную. В девятом классе я уже играл на гитаре в рок-группе, исполнявшей написанные мною песни и композиции.

У родителей был шок. Они оба мечтали о том, что вот я вырасту, стану настоящим композитором (музыканты, пишущие то, что сочинял я, считались композиторами ненастоящими), напишу оперу, и главную партию в ней споет, конечно же, папа, и будут афиши на всех языках мира, где огромными буквами будет написано: опера Игоря Дорошина, поет Владимир Дорошин. Ну, в общем, что-то в таком роде.

А я надежд не оправдал. Нет, нельзя сказать, что я не любил оперу, трудно ее не любить, если слышишь эту музыку с самого рождения, растешь рядом с ней, вдыхаешь ее вместе с воздухом. Я любил оперу и неплохо знал материал, но любил и знал исключительно как потребитель, как слушатель, а не как творец. Я рос нормальным современным пацаном, и мне куда

интереснее была музыка современная. Мелодии рождались в голове легко, и сами по себе, и на конкретные слова. Поступать в музыкальное училище я наотрез отказался, чем неслышанно расстроил родителей, но они в тот момент еще лелеяли надежду, что я одумаюсь, закончу среднее образование в общеобразовательной школе, а там они как-нибудь меня утолкают. Но не тут-то было, я ловко увернулся и поступил в среднюю школу милиции. Почему? Были причины. Потом как-нибудь расскажу. Решение мое не было, как нынче модно говорить, протестным, оно было обдуманным и выстраданным, но мама с папой этого не понимали и продолжали долбить меня бесконечными разговорами о моем таланте и музыкальном предназначении. Перенести эту долбежку было нетрудно по двум причинам. Во-первых, папа постоянно ездил на гастроли, а мама, с тех пор, как мне исполнилось тринадцать, ездила вместе с ним, оставляя меня на попечение моей собственной сознательности. Так что в воспитательном процессе зияли огромные временные интервалы, в течение которых я успевал очухаться и набраться сил для очередного витка противостояния. И во-вторых, благодаря тому, что папа был весь в искусстве, а мама вся в папе, я вообще привык справляться один, то есть от родителей не зависеть ни в бытовом плане, ни в психологическом. У меня хватало ума и силы воли не забрасывать учебу в периоды их длительного отсутствия, а квартира, когда я оставался один, всегда была в идеальном порядке, несмотря на то, что я, как уже говорилось, рос нормальным пацаном, и у меня без конца паслись приятели и одноклассники, некоторые даже жили по нескольку дней, а то и недель. Я давал приют всем: и тем, кто поссорился с предками и ушел из дому, и тем, кто банально прогуливал уроки, и тем, кому негде было собраться, чтобы выпить, потрепаться и послушать музыку, и даже тем, кому некуда было пойти с девушкой. Я научился готовить, планировать бюджет и разумно тратить деньги, и родители, уезжая на гастроли, могли не беспокоиться о том, что я голодаю. Меня с раннего детства приучали к самостоятельности, поскольку папа с мамой были еще очень молоды, когда я родился, и у них было так много дел и забот, репетиций, конкурсов, концертов, выступлений, и нужно было сделать все, чтобы я не висел на них обузой, мешающей карьере и активной молодой жизни. Они и сделали, за что я им по сей день безмерно благодарен. В шесть лет я мог зашить дырку на одежде и пришить пуговицу, в десять – выбрать в магазине мясо и нажарить котлет, а в тринадцать – жить один, при этом не спалить квартиру, не нахватать в школе «двоек» и не уморить голодом кота. Да, у нас тогда был сиамский кот, Арамис, но это уже совсем другая история. Как-нибудь я ее расскажу, если к слову придется.

Короче говоря, к тому моменту, когда между мной и родителями началась открытая война, я был вполне взрослым, ответственным, самостоятельным и независимым юнцом, которого невозможно было принудить к чему бы то ни было криками, скандалами или холодным молчанием. Более того, меня нельзя было «взять» и финансовыми клещами, потому что в выпускном классе я уже продавал свои мелодии разным группам и получал вполне сносные деньги, намного превышающие то, что мне выдавалось на карманные расходы. С шестнадцати лет я не взял у родителей ни копейки, и это здорово развязывало мне руки в построении психологической обороны от постоянных атак.

После окончания школы милиции я стал участковым уполномоченным, а для мамы с папой окончательно превратился в неудачного сына. С тех пор прошло двенадцать лет, восемь последних лет мы жили отдельно, поскольку родители построили дом за городом и переехали туда, оставив меня в городской квартире, разговоры о моем несостоявшемся композиторстве стали все более редкими, и мне казалось, что все как-то успокоилось, устаканилось, родители смирились с моим выбором, и если не начали его уважать, то хотя бы перестали комплексовать из-за него. Ан не тут-то было! Вчера я получил от отца по полной программе.

Арина уютно сопела у меня на коленях и ворочалась, пытаясь устроиться поудобнее, я все бултыхался в мутном пруду своей обиды, прислушивался к разлитой по всему телу душевной боли и обдумывал, как бы мне полечиться.

Если бы мне было лет семнадцать или хотя бы двадцать, я прибег бы к испытанному средству, которое никогда меня не подводило: позвонил бы Светке Безрядиной (хотя в те годы, когда я был совсем юным, Светка носила другую фамилию, девичью) и выплакался бы в ее широкое плечо. Но мне уже тридцать два, а у Светки муж и двое детей, при этом она не работает и ей совсем не обязательно просыпаться в такую несусветную рань. И вообще, несолидно как-то... Хотя она была и остается моим близким другом.

Мысль о звонке заставила меня вспомнить о том, что в мире существует телефонная связь, и есть телефоны, в том числе и мобильные, один из которых весь вчерашний вечер истошно дребезжал в кармане моего пальто. Пока я крутился на месте происшествия, я на звонки не отвечал, а потом вернулся домой усталый и расстроенный и не удосужился проверить, кто же это так упорно меня хотел. Вот и проверю.

Неответченных вызовов накопилось аж двадцать четыре, и всего-то за три вечерних часа – немыслимая цифра даже при моей суматошной жизни. Из этих двадцати четырех шестнадцать оказались от мамы, ну, с этим все понятно, она праздновала в ресторане папину премьеру и интересовалась, когда же сынуля соизволит присоединиться к банкету. Три раза звонила Светка, они с Борисом тоже присутствовали на банкете в качестве друзей семьи. Наверное, она видела, как беснуются мои родители, и пыталась как-то сгладить обстановку или хотя бы предупредить меня. Два звонка оказались от Кати Кибальчич, вероятно, она хотела от меня еще какого-то содействия в создании новостных бестселлеров. Оставшиеся три вызова поступили от разных знакомых. Слава богу, ни одного звонка с моего участка, значит, в Багдаде все спокойно, никто никого не избил и никак не напакостил.

В положенное время я «выпал» из обиды, как из старой трухлявой коробки, и отправился на службу, то есть сперва в отдел внутренних дел, где ознакомился со сводкой происшествий, последними ориентировками и свежими руководящими указаниями, а потом в свой околоток, на служебно-бюрократическом языке называемый участковым пунктом милиции.

Помещение у нас небольшое, в нем размещаются старший участковый, мой дружбан Валька Семенов, мы, рядовые участковые уполномоченные, наши помощники и инспектор по делам несовершеннолетних. По инструкции полагается еще иметь место для представителей общественности, но инструкция по организации нашей деятельности какая-то странная, словно не россиянами писаная, а инопланетянами, думающими, что для правоохранительных органов место всегда найдется. Ни фигя подобного, место никак не находится, да и представители общественности не особо рвутся нам помогать и рядом с нами сидеть. Такой уровень офисного быта, в котором существует наш участковый пункт номер семь, в народе называется лаконично и метко: «чистенько, но бедненько».

Сегодня с шести до восьми вечера у меня прием населения, но это не означает, что до шести я могу бить баклуши. Функциональных обязанностей у меня столько, что перечислять замаешься, ну и понятное дело, что реально я выполняю лишь малую толику из них. А спрашивают-то за все! Два месяца назад на моей территории построили новый многоквартирный дом. Он, конечно, дорогой, и вселяться в него люди будут не в массовом порядке, а постепенно, по мере продажи квартир, но ведь тридцать процентов этих квартир выделено муниципальным властям в виде оплаты за земельный участок, на котором этот дом построен, и вот эти тридцать процентов квартир предоставляются, как правило, очередникам и заселяются почти сразу. А моя задача в этой ситуации – завести и заполнить паспорт на жилой дом. То есть обойти все квартиры и занести в журнал чертову уйму сведений о жильцах вплоть до наличия собаки, ее породы, окраса, клички и особых примет. В новом доме я уже был месяц назад, пообщался с первыми новоселами, но тогда их было всего-то двенадцать семей, а теперь уже не то сорок восемь, не то сорок девять, короче, пора к ним идти, чтобы дело не запускать, а то потом вовек не разгребешь. Кроме того, надо регулярно проверять чердаки, подвалы и пустующие квартиры, в новых домах это места особо повышенного риска, ведь жильцов, во-первых,

мало, то есть не так велик шанс попасться кому-то на глаза, а во-вторых, люди пока еще друг с другом не знакомы (впрочем, соседи и впоследствии не больно-то знакомятся) и появление чужака никого не насторожит. Мало ли, может, жилец, может, грузчик, помогающий с переездом, может, мастер из бригады ремонтников, в нынешние-то времена редко кто заселяется сразу в то, что им построили, основная масса предварительно делает ремонт и доводит жилье до ума и соответствия собственным вкусам. Одним словом, новый не полностью заселенный дом требует особого внимания, потому как в свободных и плохо контролируемых помещениях может собираться разный нежелательный элемент и совершать всякие нехорошие поступки, вплоть до откровенно криминальных. Опять же практика показывает, что под видом перевозимой мебели в такие дома могут ввозиться ящики с боеприпасами и оружием и спокойноенько храниться на чердаке или в подвале. А угрозу терроризма пока еще никто не отменил.

Почему-то сегодня я опять пришел в околоток первым. Ну Семенов, старший участковый, – ладно, он с утра всегда подолгу толчется в отделе, рядом с руководством, оно и понятно, все-таки на нашем седьмом участке он старший, то есть хоть маленькое, но начальство. А остальные где? Вот прелесть нашей работы! Пришел в отдел, на глаза показался – и гуляй, если будут искать – скажешь, что на территории. А что? Многие пользуются. Но может быть, я зря качу бочку на коллег, машина-то есть только у меня одного, а остальные из отдела до околотка добираются муниципальным транспортом. Открыв дверь участкового пункта, я снял сигнализацию и направился к кабинету, по дороге скользя глазами по стендам, увешанным наглядной агитацией. Вернее, тем, что призвано быть таковой, но ею не являлось. По инструкции, на стендах должны размещаться Конституция Российской Федерации, Закон «О милиции», разные федеральные законы, указы и распоряжения Президента, постановления и распоряжения Правительства, законы и иные нормативные правовые акты города и местного самоуправления и всякое-разное другое, такое же бесполезное с точки зрения обеспечения порядка на участке. Кого тут можно агитировать и за что? За советскую власть? Вы можете себе представить такую картинку: пришел ко мне в околоток плохой человек, посидел в очереди на прием, от нечего делать почитал Конституцию или выписки из уголовного кодекса и вдруг понял, как неправильно он живет и больше так жить нельзя? Не можете? Вот и я не могу. Глупость все это несусветная, но инструкция есть, и ее следует соблюдать. Я бы, честно говоря, не стал, но начальство мне (почему-то именно мне, как-будто я один тут работаю) всю плешь проело, и я решил, что не буду ссориться с другом Валькой Семеновым, а лучше оборудую стенды, как положено, потому что поводов для упреков я и без того даю более чем достаточно. А стенды с агитацией – ну что, в конце концов, потратить один раз полдня, сделать и спать спокойно. Хотя, если говорить еще честнее, война с родителями, через которую я прошел, сделала меня совершенно нечувствительным к нареканиям, выволочкам и выговорам, даже и публичным. Я все равно делал, делаю и буду делать только то, что считаю нужным, и так, как считаю правильным.

В кабинете я достал из сейфа паспорт на новый дом, отложил в сторонку и вытащил паспорт на административный участок. Вот уж где у меня полный завал, так это здесь! Я к нему не прикасался больше месяца, хотя сведения, которые туда нужно было заносить, записывал исправно, но на разные клочки, листки из блокнотов и подвернувшиеся под руку карточки. Да и то не все сведения, а лишь часть, иными словами, то, что лично для меня имело значение: похищенный с нашей территории автотранспорт и совершенные на моем участке преступления, а также поселившиеся здесь лица из так называемой «группы риска», то есть ранее судимые, освобожденные из мест лишения свободы, наркоманы, проститутки, психические больные и многие другие. Объекты и организации, расположенные на административном участке, я игнорировал, сведениями о них пренебрегал и соответствующую часть паспорта заполнял из рук вон плохо. Все равно идти по квартирам в такое время бессмысленно, если люди работают, то их нет дома, а если не работают, то спят или завтракают. Осмотр дома и проверку нежилых помещений можно начать часов в двенадцать, а с двух приступить к первому этапу поквартир-

ного обхода, когда дети возвращаются из школы. Вообще-то нормальные участковые днем по квартирам не ходят, и это понятно, им нужны взрослые жильцы в полном составе, а это чаще всего случается ближе к вечеру. Но я хожу и днем, потому как не менее взрослых жильцов меня интересуют дети и подростки, а с ними лучше разговаривать без присутствия родителей, это уж вы мне поверьте. Толку куда больше.

До двенадцати я решил позаниматься паспортом участка, добросовестно положил его на стол перед собой и принялся собирать по всем карманам, отделениям сумки, ящикам стола и полкам сейфа разрозненные бумажки с записями, но внезапно передумал и бросил это тупое занятие. Ну его к черту, журнал этот. Пойду-ка я лучше к своим старикам схожу, навещу тех, кто давно не давал о себе знать. Применительно к жизни пожилых людей понятие «давно» для меня означало две-три недели. За двенадцать лет работы на участке я ввел правило, которое всех ужасно удивило, но со временем его исполнение вошло в привычку: если человек в возрасте за семьдесят проживает один и у него нет родственников или знакомых, постоянно с ним общающихся, он должен раз в неделю мне позвонить или отметиться любым удобным ему образом, например, заглянуть в околоток, проходя мимо, или окликнуть меня на улице при встрече. Одиноким старик – существо уязвимое и беспомощное, и у меня сердце сжимается при мысли о том, что с ним может произойти. А ведь никто не узнает. На моем участке живет три тысячи триста с небольшим человек, из них таких вот совершенно одиноким стариков – сто двадцать шесть, и за каждым я наблюдаю, особенно в дни получения пенсий.

Я проверил свой «стариковский» кондуит, подчеркнул имена и адреса тех, кто давно не отмечался, и отправился в путь. К одиннадцати утра я успел обойти четверых из семи намеченных подопечных, когда позвонил дежурный по отделу.

- Дорошин, ты где шатаешься?
- Я на территории.
- Давай возвращайся на базу, тебя требуют.
- Кто, Семенов?
- Ага. Вместе с начальником.

А вот это уже плохо. Начальник отдела у нас новый, примерно как тот дом, который я собрался сегодня проверить, то есть назначен был два с небольшим месяца назад. Ну и, как водится, начальник этот взялся за роль новой метлы, решив во всем навести порядок, всех самолично застрашать, построить и насадить железную дисциплину. Вот и до меня очередь дошла. Ай как некстати! Ведь хотел же привести в порядок паспорт участка, дурак! И чего заленился? А начальник – сто пудов – потребует для проверки в первую очередь именно его. Сначала обзрит наглядную агитацию (слава богу, хоть тут у меня порядок), а потом рыкнет: «Паспорта на стол!» То есть паспорт административного участка и паспорта на каждый жилой дом. И вот тут-то все и начнется! Паспорта на дома у меня в относительном порядке, хотя тоже далеки от образцовости, но с паспортом участка – полная катастрофа, то есть Кошмарный Ужас. А уж если дело дойдет до контрольных карточек, то я за нового шефа не поручусь, даже убить может. Мне-то что, я уже говорил – я привычный, с меня брань, пусть и начальственная, как с гуся вода, а вот человек грех на душу возьмет и сядет потом. Жалко...

Я развернул машину и помчался на базу. Надо успеть раньше гостей, руководство ждать не должно. Я уже разделся и даже начал разгребать со стола в беспорядке разбросанные бумаги, когда снова зазвонил мобильник. Голос я узнал сразу, это был мой давешний знакомец Иван Хвеля.

- Ты, кажется, рвался поучаствовать? – хмуро спросил он. – Или мне показалось?
- Нет, не показалось. А что, есть идеи?
- У тебя седьмой участок, правильно?
- Седьмой, – подтвердил я.
- У тебя там один выюнош проживает, надо бы с ним поработать. Как, возьмешься?

– Само собой. Только не в темную, я этого, знаешь ли, не люблю.

– Никто не любит, – усмехнулся Иван. – Дураков нет. Так я подъеду? Ты на месте или как?

– В ближайшие два часа точно буду на месте, ко мне начальство едет стружку снимать.

– А-а, – понимающе протянул оперативник, – ну это мы поможем. Я думал телефонным звонком обойтись, но раз такое дело, бумажкой запасусь.

Несмотря на вчерашние выкрутасы и ехидные ухмылки, Иван в этот момент стал мне симпатичен. Хотя я не особенно нуждался в его помощи, сама готовность протянуть руку меня согрела.

Все происходило в точности так, как я и предполагал. Новый начальник отдела, майор Данилюк, ворвался в помещение околотка аки ураган тропический. Следом за ним поспешал старший участковый уполномоченный Валя Семенов. На такой скорости мою наглядную агитацию он пролетел, даже не заметив, о чем я искренне посожалел. Единственный безупречный момент в моей работе пропал зря.

– Давай-ка посмотрим паспорт участка, – потребовал Данилюк.

Высоченный, стройный, в ладно сидящей форме, он был мало похож на «злого начальника», напоминая скорее опера-супермена из какого-нибудь кинофильма. Конечно, два месяца – срок слишком маленький, чтобы однозначно отнести нового шефа к категории «злых», но я отчего-то был уверен, что уж «добрым» он точно не был.

– Товарищ майор, я паспорт, конечно, покажу, но скажу вам сразу, что он далеко не в идеальном состоянии.

Данилюк посмотрел на меня с нескрываемым удивлением.

– То есть ты признаешь, что недорабатываешь?

– А то, – усмехнулся я. – Вы мне покажите хоть одного участкового, который делает все, что предписано инструкцией, и я ему памятник при жизни поставлю.

Семенов укоризненно покачал головой и сделал выразительную мину, мол, кончай выпендриваться. Вальку я знаю лет сто, он давно привык к моей служебной безалаберности и смирился, но ведь начальник-то новый, не освоился еще. Я послушно перестал выпендриваться и достал из сейфа паспорт.

– Вот, пожалуйста.

Данилюк, не присаживаясь, полистал его, качая головой, дошел до последнего раздела, где стояли отметки о проверке паспорта руководством.

– Я смотрю, его давно не проверяли, – заметил он.

– Почему давно? – обиделся я за прежнего начальника. – В июле была проверка.

– А сейчас что? Ноябрь на дворе.

– Так ведь положено раз в квартал...

– Учить меня будешь, Дорошин?

Ой, господи, какой кошмар, что это я несу? Кому перечу? Самому начальнику. Сдурел, что ли, Игорек?

– Не буду, товарищ майор. Вам плохо заполненные разделы показать, или сами найдете?

Данилюк молча закрыл паспорт и уселся за мой стол.

– Значит, так, капитан Дорошин. Тебе перечислить по пунктам те обязанности участковых уполномоченных, которые ты не выполняешь, или сам скажешь?

Один-один. Впрочем, возможно, он просто берет меня на понт и счет по-прежнему один-ноль в мою пользу.

– Я не вношу руководству органа внутренних дел предложения по повышению эффективности оперативно-профилактической деятельности и улучшению координации подразделений, пункт «девять-два» инструкции, – нагло начал я бодрым тоном. – Я не осуществляю контроль за своевременным принятием мер руководителями организаций по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений,

пункт «девять-три». Еще я не осуществляю проверку соблюдения должностными лицами и гражданами правил регистрационного учета, пункт «девять-шесть». А еще я не выполняю требования пункта «девять-двадцать» о выявлении на административном участке брошенного, бесхозяного и разукомплектованного автотранспорта и не принимаю меры к установлению его принадлежности. Кстати, пункт «девять-девятнадцать» я тоже не выполняю и проверки гаражей, автостоянок и автосервисов не провожу. Дальше перечислять или хватит? Если хотите, товарищ майор, могу перечислить пункты инструкции, которые я выполняю лучше всего и в полном объеме.

Начальник некоторое время смотрел на меня с интересом, потом глаза его налились холодной яростью.

– Слушай, Дорошин, ты что, не боишься?

– Нет, – я пожал плечами. – А чего я должен бояться?

– Что я тебя уволю на хрен с волчьим билетом. И что ты будешь делать?

Семенов, угодливо стоящий чуть позади нового шефа, скорчился от едва сдерживаемого смеха, но – молодец! – удержался и не издал ни звука. Он был одним из немногих, кто знал обо мне правду, потому что когда-то мы вместе учились на заочном отделении, получая высшее юридическое образование. Ни прежний начальник, ни тем более новый, ни все остальные сотрудники отдела внутренних дел, к территории которого относился мой участок номер семь, этой правды не знали, а Валька меня искусно покрывал и лишнего не болтал.

– А если вы меня уволите, то что ВЫ будете делать? – задал я встречный вопрос. – Я-то уйду, а кто работать вместо меня будет? Только не надо мне рассказывать, что на мое место у вас очередь выстроилась. Работа собачья, зарплата мизерная, инструкция по организации деятельности участковых необъятная, почти как «Война и мир», никаких сил не хватит, чтобы выполнять ее в полном объеме и на должном уровне, так что участковый – фигура самая уязвимая, всегда есть за что ему по шапке надавать. Может, вы кого-нибудь и найдете вместо меня, но где гарантия, что он будет работать лучше?

– Ты, Дорошин, меня за идиота не держи, – грозно сказал Данилюк. – Зарплата ему, видите ли, мизерная! Работы у него, понимаете ли, много! А чья иномарка у входа стоит? «Бэ-эм-вэ» пятой модели чья?

– Моя. И что?

– Это на ту самую мизерную зарплату куплена, да? Или ты, пользуясь служебным удостоверением, формой и табельным оружием, шакалишь в рабочее время, равно как и в свободное, и зарабатываешь себе на белый хлеб с маслом и икрой? И как ты будешь зарабатывать, если отнять у тебя удостоверение, форму и оружие, а?

– У вас есть факты? Доказательства?

– Пока нет, но они будут, потому что если я начну копать, на какие шиши ты купил такую тачку, то мало тебе не покажется. Так что, Дорошин, копать? Или все-таки вспомним, что я твой начальник, а ты – участковый, и будем добросовестно работать и строить нормальные рабочие отношения?

Нет, не злой начальник наш майор Данилюк, не злой и не добрый. Он просто глупый и непрофессиональный, хотя и очень красивый. Прямо Джеймс Бонд, едрена-матрена! Может, он хорошо умеет раскрывать преступления и обеспечивать общественный порядок на вверенной территории, но работать с личным составом он не умеет. То есть абсолютно! Разве можно ни с того ни с сего обвинять человека, которого видишь в третий раз в жизни, в совершении преступления? Подозревать – подозревай, твое право, но под подозрения надо же и фактуру набрать, прежде чем свои подозрения озвучивать, а иначе об чем звуки речи? Это даже я понимаю, хоть и не опер, а рядовой участковый. Так с людьми не разговаривают. А то что это такое: увидел дорогую машину и сразу решил, что все понял и меня можно брать за жабры голыми руками.

– У меня, товарищ майор, папа богатый, – произнес я, скромно потупив глаза. – Машина куплена на его деньги.

Данилюк пристально посмотрел на меня, потом окинул долгим взглядом с головы до ног. Он все еще сидел за моим столом, а я стоял, вытянувшись в струнку. Глаза его остановились на моих ботинках. Глянь-ка, неужто разбирается?

– А ботинки? Если я не ошибаюсь, «Кензо». Тоже папа денег дал?

Действительно, разбирается. Интересно, откуда у него такие познания? Он что, одевается в дорогих магазинах? Это на милицейскую-то зарплату? Но я не стану бить шефа его же оружием, это скучно. И вообще, бить начальников неприлично.

– Нет, на ботинки – это мама.

Семенов позеленел и плотнее сжал губы, чтобы не прыснуть. Такого цирка он не видел уже давно, года три, наверное. Ну да, точно, с тех пор, как три года назад пришел Петюнин, новый начальник отдела по организации работы участковых. В тот раз было примерно то же самое, только машина тогда была другая, эту «пятерку» я купил всего год назад. Если бы Петюнин был сейчас здесь, вышло бы еще круче, в смысле – смешнее, но он заболел и уже вторую неделю лежал в госпитале с пневмонией, потому начальник отдела внутренних дел приехал проверять меня со старшим участковым, который Петюнина временно замещал.

– Ты что же, Дорошин, до капитана милиции дослужился, а живешь на иждивении родителей? Не стыдно?

– Что ж поделать, если зарплата маленькая, а овес нынче дорог, – вздохнул я. – Жить-то хочется, а воровать совесть не позволяет.

Майор снова взял паузу, вероятно, обдумывал стратегию обуздания странного подчиненного, то есть меня. Мне стало даже немного жаль его, он ведь, бедолага, старается изо всех сил, не знает, что меня обуздывать бесполезно, на меня управы нет. Я не строптивый, вы не подумайте, и характер у меня в общем-то хороший, добрый, покладистый. Просто я независимый, как кошка, гуляющая сама по себе, и упрямый, как самый тупой из ослов. Может, отец вчера был прав, назвав меня тупым? Может, он имел в виду мою упертость, а вовсе не интеллектуальные способности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.